

МИР ХОЛОБОК

**ВЛАДИМИР
ХОЛОВОК**

БОСИКОМ

**Юмористические
рассказы,
монологи, сценки,
миниатюры**

Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1990

Владимир Холобок родился дважды. Первый раз в 1950 году в Шадринске — на общих основаниях, как все прочие младенцы. А двадцать восемь лет спустя родился как юморист — в тот самый день, когда в «Уральском рабочем» напечатали его первую миниатюру. О дальнейшей жизни молодого инженера, выпускника Рижского авиационного института, можно сказать кратко: ни дня без шутки. Юмористические рассказы, фельетоны, монологи, сатирические сценки В. Холобка публикуются в периодике, звучат по радио, широко исполняются с эстрады. Печатались его вещи и в коллективных сборниках юмора, выходивших в Москве и Свердловске.

«Босиком» — вторая книга Владимира Холобка. Первый сборник молодого юмориста «Гласность Иванова» вышел в 1989 г. в издательстве Уральского университета.

Художник С. С. Айнутдинов
Редактор М. П. Немченко

ВЗЯТКИ ГЛАДКИ

ВЫСОКИЙ ГОСТЬ

Нет, я с ума сойду. Через полчаса к нам приезжает высокий гость, а мы еще не умеем правильно его встретить. Все! Проводим последнюю репетицию. Где Грошев? Доложите. Понял. Внимание! Грошев звонил, не может прорваться в контору. Здание уже оцепили, проезд закрыли, транспорт остановили. Кто может вместо Грошева сыграть роль гостя? Попробуйте вы. Как вас звать? Сергей Ильич. Хорошо. Сережа, вы будете высоким гостем. Ну как будто. Не возражать. Все, начали.

Группа по встрече гостя! Внимание, начали. Сережа, появляйтесь в холле. Появились? Все хлопают. Почему так жидко? Меня не интересует, что вы все руки уже отхлопали. Смените руки! Или я сменю хлопающих. Вот это другое дело.

Теперь гость пошел по ковровой дорожке. Хорошо, пошел, пошел... Слава разматывает дорожку перед ним, пятится, пятится... Женя заматывает дорожку за гостем. Гость останавливается в центре холла.

Женя, ты как заматываешь дорожку? Почему с опущенной головой? Ты же подсек гостя под колени. Ну, подумай, если бы кувыркнулся настоящий гость? Поднимите гостя, отряхните, покажите людям.

А где Слава? Куда он упрятился, уразматывая дорожку? Быстро найдите Славу по дорожке. Где он? Доложите. Понял. Дорожка кончается на балконе, перил нет, Славы нет. И бог с ним.

Теперь — стул гостю. Где Ураков — ответственный за стул? Доложите! Понял. Внимание! Ураков звонил, не может прорваться в контору. Здание оцепили, проезд закрыли, транспорт остановили. Васильев! Ты будешь

ответственным за стул гостя. Поддай ему стул. Васильев, ты как подал стул гостю? Почему мимо гостя? Ну какая разница — гость мимо стула.

Поднимите гостя, отряхните, покажите людям. Сережа, целясь на стул... правее, левее... сидеть! Васильев, ты где откопал сломанный стул? Вы что делаете с гостем? Разве может у гостя быть такой жидкий стул?

Замените стул. Сережа, сидеть! Пошел официант со стаканом воды. Гость отпивает. Да зачем же залпом и до конца? И не надо кричать, там вода. Чего вы морщитесь, Сережа? Опять перепутали. Я же сказал, брать со стола, а не из-под стола. Быстро — закусить гостю. Хорошо.

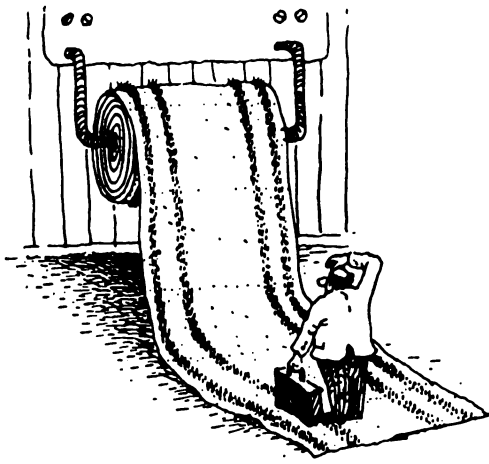
Гость спрашивает у народа:

— Как дела?

Все отвечают хором:

— Хорошо у нас!

Молодцы!

Гость встает, идет по правому коридору. Да не по левому, а по правому. У нас покрашен правый коридор. Согласно маршруту гостя. Так, проходит, любуется на цветы в горшках. Почему я не вижу цветов? А вижу только горшки. Перепутали коридоры? Вы с ума сошли. Все должно ласкать глаз гостя, лелеять ухо гостя... Кстати, где музыканты? Безобразие — в другом коридоре. Цветы, горшки и музыканты должны стоять в одном коридоре. Быстро передислоцировать!

Сережа, вы заходите на трибуну. Спрашиваете у народа:

— Как дела?

Все отвечают:

— Хорошо у нас!

Молодцы!

Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Комедант! Вы когда покрасили трибуну? Отклейте трибуну от гостя... Как-как? Одни — за трибуну, другие — за гостя. Раз-два, взяли! Молодцы!

Теперь пошла встреча гостя с нашим директором. Так, внимание! Выпускайте директора. Директор идет навстречу гостю. Рукопожатие, объятия, поцелуй, раз, два, три. Все хором — четыре, пять, шесть. Горько! Достаточно. Отставить поцелуй. Снять объятия. Я сказал, снять объятия. Снимите с них объятия.

Хорошо. После объятий пошли дети. Пошли дети! Пионеры и школьники. Вовочка повязывает галстук гостю. И общая песня. Всем стоять! Кто там упал во время песни? Ну и что, что ему плохо. Ему не может быть плохо во время песни. У нас здесь всем: хорошо у нас.

Все! По местам! Через пять минут приезжает настоящий. Сам. Я сказал, все по местам. Чего ты еще тут стоишь, Серега?.. Сергей Ильич?.. Вы и есть настоящий? Вы раньше? Вы хотели знать? Мне плохо... Но у нас всем: хорошо у нас!

ВЗЯТКИ ГЛАДКИ

Вот беда! Я говорю — со взятками совсем беда. Столкнулся я с этим делом впервые и сразу обнаружил кошмарную неорганизованность. Прихожу к секретарше и спрашиваю:

— Кому хоть давать-то? И сколько?

Она смотрит ошарашенно.

— Что давать?

— Ну, это... в конверте.

— Вам что надо, товарищ?

— Что всем, то и мне надо.

— У нас сейчас нет технической возможности, — строго пояснила секретарша.

— Я узнавал, техническая есть, но нет реальной. Чтобы она появилась, надо дать. А кому?

Секретарша замолчала со мной навсегда.

Ну, разве не безобразие? Прейскурант отсутствует, списка ответственных лиц за приемку конвертов нет. Полная анархия. Хотя можно навести порядок. В приемных на стенах вывешивать таблицы — кому давать и сколько. Или в магазинах на ценниках в уголочке приписывать, кому и сколько за эту вещь переплачивать. Чтобы потом со взяткок взносы взимать, подходящий, за бездетность, алименты. Дело-то — государственное. Взятка — не Нобелевская премия. Должна облагаться налогами.

Мне повезло. Человечек один все объяснил, к двери нужной привел, сумму точную назвал и сам исчез. Я положил купюрки в конверт и ступил за порог. Там хозяин рассказывает, ух, здоровый, руки за спину, смотрит хмуро. Но я спокойно вручил ему конверт и руку поймал для пожатия. Он поморщился, но достал деньги и стал пересчитывать. Хмурится, шуршит, на пальцы поплеывает.

— Можете не считать, там все точно.

— В соответствии с чем точно?— взглянул он на меня сверху вниз.

— В соответствии с вашим служебным и семейным положением, а также с международным.

Он закончил и попросил добавить одну купюрку:

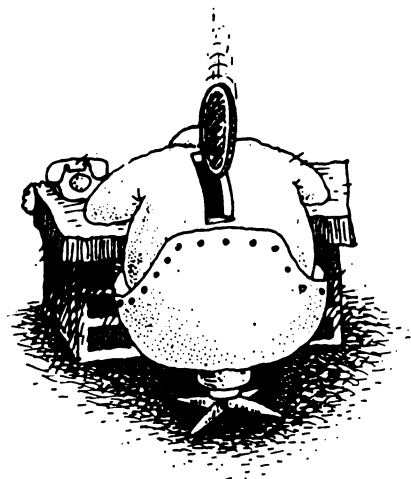
— Международное положение изменилось вчера.

Я отдал. Он сунул все в карман и спросил:

— Начинающий?

— Он самый.

— Плохо вы начинаете. Явление это сложное, психологически тонкое, нравственно важное. А вы с порога конверт мне суете. Я ведь мог обидеться. Взять конверт, а вас попросить за дверь. Начинать надо с беседы, с разговора. А конвертом заканчивать. Чтобы впечатление о вас осталось хорошее. И беседовать надо грамотно.

Где-то недожал, где-то пережал, и все, я не возьму, не клюну. Крупным специалистом надо быть. Как по-вашему, я — крупный?

— Вы крупный.

— Правильно. Поэтому идите и ждите извещения. По нему вам все сделают.

Я ушел, потрясенный простотой процесса. Но извещения долго не было, и я повторил визит. В том же кабинете сидел тот же человек. Я еще дверь не закрыл за собой, а хозяин кабинета зычно пробасил:

— Что у вас опять?

— Извещение жду.

— А чего ждать? Добавлять надо. У нас с планом туго, премий нет, вся экономическая обстановка... тяжелая. Кто вам за просто так сделает?

Говорил он со мной запросто, как со старым знакомым. И я ему, как старому знакомому, опять вручил конвертик. Он опять пересчитал, поморщился. Я опять купюрку добавил. Он опять сказал: идите, ждите. Я опять не дождался. И снова пришел, дал. Он взял, пересчитал, поморщился. Я вручил купюрку на поморщивание.

Я любил его в эти минуты! И ревновал. К другим.

Однажды он прижал очередной конверт к груди и разрыдался:

— Пора нам расставаться.

— Как — расставаться?

— Не могу я вам это дело сделать, могут подумать, что я взятку взял.

Я сразу — купюрку сверху.

Он обмяк, пошатнулся, вынул бланк и на нем все написал. Все!

Я бланк-мечту к груди прижал, чувствую, тревога по телу ходит. И он сидит сам не свой. Пробил час расставанья. А расстаться-то мы не можем. Привыкли. Ну, как он без меня? А как я без него? В объятия бросились,

глаза закрыли, стоим, плачем. Нам не жить друг без друга. И тут он говорит с надеждой:

— Может, тебе еще что-то надо? Может, у тебя другая мечта есть?

— Есть! И третья есть!

Он строго — давай конверт. Я дал. Он пересчитал, поморщился. Я — купюру сверху. Он строго — идите ждите.

Я пошел. Радостный! Счастливый! Идет мечта, мечте — дорогу!

НЮХАЧ

О! Столовой пахнет... А там — рестораном... У меня ню-ю-юх и-зю-мительный. Там метро... А там — цирк... Бегемотом пахнет дрессированным. От дрессированных запах тоньше, интеллигентнее. Я по запаху что хочешь определяю, любого человека насквозь чую. Дал бог нос.

Вот идет, идет, идет. Весь с иглочки, очки «хамелеон». Сейчас узнаем, чем дышит, чем пахнет... Жулик. Ой, жули-и-ик, ой, матерый жулище...

...А вот маленький жулик прошел. Жу-у-уличек такой. Начинающий. Запашишко от него слабый еще, но уже ядреный.

У меня на этих жуликов ню-ю-юх — и-зю-мительный. Шибко они пахнут нехорошо, аж чихнуть хочется.

Товарищи из районного ОБХССа узнали про мою способность, просят: Мухтар Иванович, помоги запеленговать жулье по запаху.

Я к ним в ОБХСС зашел, понюхал. Чистенько. Запахи мужские. Наши запахи — честные, принципиальные. Дали мне сотрудника в штатском, пошли мы в рейд жулье вынюхивать.

Я говорю сотруднику, куда пойдём? Жулика я где хочешь учую. Может, на мясокомбинат?

Он говорит:

— Там даже и я учую.

— Ну, тогда на базу?

Он говорит, не-е-ет, с твоим нюхом надо проверять передовое предприятие. И мы пошли. Обычное предприятие. Но передовое. Служебный вход, «Волги» стоят. А из подъезда... так жуликами веет, что нос чуть не отрывает. Я говорю, дай занюхать чем-нибудь. А то нюх отшибает. Ну, хоть профсоюзным билетом. Понюхал я билет честного человека — и в кабинет к главному. Главный — навстречу и руку жмет. А от него таким веет, что я профсоюзный билет от носа убрать не решаюсь. Нюх отшибет. Но, смотрю, и он ко мне принюхивается. И говорит:

— О! ОБХСС явился. Пожалте нюхать.

Тоже все чует. Недаром главным сидит. Вижу, мой запах его испугал. Рубашка у него на загривке поднялась вот на столько. Схватил со стола липовую бумажку и занюхивает мой честный принципиальный запах. А я говорю: где бухгалтер?

Бухгалтер заходит и с порога давай носом дергать. Ноздри как два пылесоса работают. Прочихался и говорит:

— Не иначе ревизией пахнет.

Я им говорю:

— Сами будете сдаваться или как?

Бухгалтер говорит:

— Передовики не сдаются.

А главный добавляет:

— Вы этот вымпел видели? За первое место.

Снимает вымпел и мне в нос сует. А от вымпела такой липой пахнуло, что у меня нос — набок.

Я говорю: давайте отчеты, акты, ведомости. Беру ведомость, нюхаю, говорю:

— Приписки на две тыщи.

Бухгалтер осунулся, говорит:

— На тыщу девятьсот... девяносто два.

— Ну, я же на глазок нюхаю. Так как, сдаетесь?

Они говорят:

— Честные люди не сдаются.

Тогда я беру акт, нюхаю — фиктивный. Сдаетесь? Не сдаются. Беру отчет, нюхаю — у меня аж глаза на лоб. Они говорят: сдаемся.

Потому нюх у меня — изумительный.

Про меня легенды пошли. Жулье в бани бросилось, запах отмывать. В финских банях таблички висели: «Спецобслуживание». Кто не жулик — туда попасть не мог. Со стиральным порошком перебой начались. Комариная мазь в аптеках пропала. Да хоть бы и дустом намазались — я их все равно чую. Оно изнутри пахнет. Унутрянной запах от жулья. И несет чем-то не нашим. Наши-то запахи легкие, устранимые, если поработать.

В общем, в нашем районе жулью жизни не стало. Начали они вешаться. Один за другим. Вешаются на меня и просят: не погуби.

Слава обо мне до жены докатилась. Утром она вста-

ет, второй тапок найти не может. Берет первый и говорит:
— Мухтар, ко мне! Нюхай, нюхай, след.
Я ей тапок нахожу и приношу.
Сейчас в нашем районе постороннего душка уже нет.
Весь народ чистый сосновый запах дает. Озон!
С завтрашнего дня в другой район перехожу. Пусть
готовятся товарищи жулики.
Нюх у меня — и-зю-мительный.

БОСИКОМ

И чего они у меня спрашивают все? Пристают, почему это я босиком по улице иду? А может, я на работу иду? Да. Я ведь и иду на работу. На обувную фабрику. У нас многие на работу так идут. Зато с работы — по-другому, в обуви. А разве где-то не так? Зачем, например, официанту брать на работу шашлык? Или врачу — таблетки? Или таксисту — полтинник на обед? Так и я, не беру с собой обувь. Это же естественно.

Кто в столовой работает — голодный на работу идет. Кто на табачной фабрике — без единой сигареты в кармане идет. Кто на ликеро-водочном — на работу идет трезвый. И не надо спрашивать.

Я никогда не спрашиваю продавца из овощного: «Почему вы без помидор на работу идете?»

А у меня спрашивают. Утром — почему босиком? Вечером — почему в женских сапогах? Такое внимание к рядовому работнику.

А у нас на обувной просто гении есть. Вот дед Герасим мусор на лошади вывозит. У него лошадь, как и я, на работу тоже босиком идет. Зато с фабрики везет мусор в туфельках. Две пары ног — две пары туфелек. За один рейс. Правда, с лошадью тоже непросто. Бывает, противится лошадь, не хочет потом туфли снимать. Куса-

ется. Герасим раз силой с нее снимал, так она лягнулась. Ну, туфельки погибли, а Герасим — ничего. Только туловище слегка погнул.

Дед Герасим в юности на мясокомбинате работал. У него вообще страсть к животным. Там он через проходную корову проводил. Сначала он ее дрессировал, чтобы она на задних лапах ходила и непринужденно держалась в обществе. А потом надевал на нее ватные штаны, фуфайку и оренбургский пуховый платок. И выходили они с мясокомбината с коровой под ручку. Под видом парочки.

Правда, на одной корове он пострадал. Выдрессировал он ее, принарядил, она его — под ручку, и идут через проходную. А навстречу — жена. Жена как увидела Герасима с другой женщиной, так на корову и бросилась. А корова — му-му, му-му, ничего понять не может. Держится непринужденно.

В общем, жена корову завалила, вцепилась в коровину одежду и держит. И все это на глазах у охранника. Охранник ничего понять не может. Думает, у него в гла-

зах двоится. А жена-то у Герасима — одна, попробуй разбери которая. А с другой стороны, разнимать надо женщин, а то плохо кончат. И охранник решил, которая, значит, сильнее и сверху — ту и оттягивать начал. А Герасим охранника начал оттягивать, чтобы, не дай бог, одежда с коровы не слетела. Но в такой суматохе разве одежда удержится? Сначала ватные штаны с коровы слетели, потом фуфайка, потом — оренбургский пуховый платок. Когда охранник увидел голую корову, то стал подозревать, что это не жена Герасима. А жена Герасима сразу поняла, что это корова. И поняла, что корова трофейная. Теперь охранник стал корову обратно на мясокомбинат загонять, а жена Герасима не хочет отдавать корову. Мясо же... и шкура... Считай, уже почти свои были. Раз за пределами проходной. И опять суматоха началась. Но тут вмешалась милиция. Потом Герасима перевели от коров, значит, к нам на обувную. К лошади приставили.

Сам я тоже иногда неудобства испытываю. Обувь-то разная нужна. Кому — 37-й размер, кому — 49-й. А у меня-то нога — 40-й. Помню, для брата в 51-х сапогах шел. Длинные, как лыжи. Ну, стою, жду автобуса. Автобус подошел и мне на носки сапог наступил, наехал. А я и не подозреваю. Хочу в автобус зайти, а не могу. Дергаюсь. Пассажиры меня с дороги устраниют, а я не устраниюсь. Загородил дверь. Спасибо тому боксеру. Вышиб меня из сапог.

И вот так, идешь на работу, спрашивают: почему босиком? Идешь с работы — почему в комнатных тапочках? Я не такой. Никого не спрашиваю. Летом в шубах идут, в меховых шапках — пусть идут. Я не спрашиваю.

Но однажды спросил одного мужчину. Он, как и я, босиком шел. Но я точно знаю, что на обувной он не работает. Я говорю, вы на работу? Он говорит, да.

— А почему вы босиком? Вы же не на обувной работаете?

— Нет. Я в НИИ работаю, инженером.

И дальше пошлепал. А я подумал, что это йог. Как ни крути, а от них все беды. Такого пусти к нам на фабрику — он и с работы босиком пойдет. Его в пример поставят. Вот она, язва-то откуда идет. Выведем. Не посмотрим, что живучие. Раз йоги — в Индию их. Там все босиком.

ЧАСТНИК

Я не наблюдательный, но я давно за ним наблюдаю. И таким собственником себя чувствую, стыдно, честно слово. У меня все свое, личное. А у него ничего личного нет. Может, поэтому он такой задумчивый.

У нас с ним — дома напротив, квартиры — окно в окно. Только у него государственная, а у меня — кооперативная. Кооперативная — значит своя, личная. А у него своей нет. Значит, я собственник. Стыдно, честно слово.

Я от своей кооперативной квартиры отказываться пробовал. Говорю, пусть она государственной будет, деньги за нее верните, а я в ней просто жить буду. Как тот задумчивый. Че-то не приняли квартиру. Так и живу в ней. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Задумчивый едет на рыбалку на государственной машине впереди моего автобуса. А у меня дома велосипед есть. Свой. А у него и велосипеда даже нет.

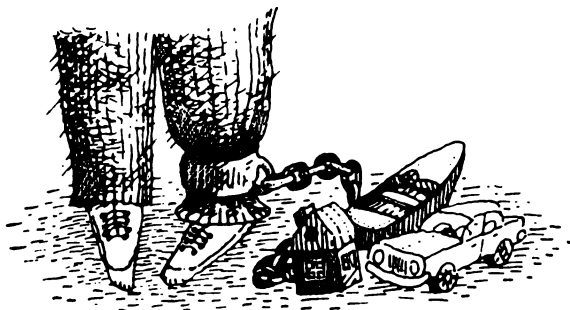
Ему в ресторане на банкете счет дают. Он сидит задумчивый и руками разводит. Видимо, и денег своих нет. Профсоюз за него рассчитывается. А я в ресторане, как король какой, семь пятьдесят оставил. Еще на чай дал, 30 копеек. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Люди вон живут, ничего своего не имеют и не жалуется. А я о «Жигулях» личных мечтаю. О даче личной

думаю. И вот взял купил. Вилла на берегу озера. Выменял ее на велосипед. И вот вылезая я из виллы, на ноги встаю, отряхиваюсь, глядь, а напротив — особняк в три этажа. А на балконе он сидит, задумчивый. А на железных воротах — вывеска: база отдыха трудящихся треста. У меня слеза брызнула, жалко человека, ничего своего нет. А я стою, локтем оперся на крышу своей виллы и думаю: частник я паршивый, стыдно, честно слово.

С горя пошел лодку купил. За пятерку отдали. Выгребая на середину озера, вдруг слева меня катер обходит. За рулем — егерь, а сзади на сиденье — он, задумчивый. Я знаю, катер не личный, а государственный. А я из своей личной лодки воду пригоршнями вычерпываю и переживаю. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Думаю, натаскаю сейчас язей и всех выпущу обратно. Потому что сейчас нельзя, они икру мечут. Жду поклевки. И вот хапнуло. Крупная, даже поплавок шевельнулся. Вытащил — ерш. Снимаю его с крючка, а тут катер обратно возвращается. Они уже проверили сети. Егерю штраф за ерша я заплатил. Правда, ерша не конфисковали. У них язей пол-лодки было, говорят, к общественному столу. Я же ерша к своему личному столу хотел приспособить. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Когда лодка моя затонула, мы с ершом свободно до берега доплыли. Но там мой ерш ожил и ушел в открытое озеро. Так мне и надо. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Я бы и сейчас переживал за себя, но задумчивый исчез куда-то. А мне сказали, кто государственным любит пользоваться, того сейчас переводят на полное гособеспечение. Видимо, задумчивого уже перевели. А я так и живу собственником. Частник я. Зато не стыдно стало. Честно слово.

ПАПАША ПАША

Они мне утверждают: не надо кривиться, если рожа крива. Да как же она будет пряма, если уже обижают. Я же красавцем был до перестройки. Софи Лорен за автографом в очереди стояла. А теперь, конечно, лицо скривилось. И зафиксировалось.

А ведь какое лицо раньше было, красивое. А главное — ответственное. Кланом я в нашем городе руководил. Кланом Собакиных.

Да когда я звонил в гастронорм и говорил, что это я, папаша Паша Собакин, у меня только спрашивали: когда и сколько? Потому что куда и что именно — знали!

А началось как-то все неожиданно. Звоню я в прокуратуру и сажу Сорокина на пять лет. Мешал он нам. И тут вдруг его выпускают через четыре. Дня. Чувствую, чья-то рука мешает в городе руководить. Тогда я выпустил на волю Червякова. Чтобы он, значит, по этой руке чикнул. Но его тут же схватили и посадили обратно. Я думаю, во жизнь пошла! Никого не посади, никого не выпусти. Ну, беззаконие жуткое!

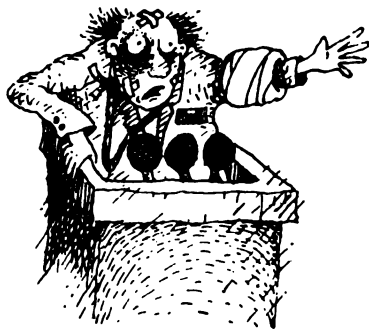
Я говорю, в чем дело? А мне говорят, что клан Кошкиных в силу входит.

Ну, кто же раньше этих Кошкиных в расчет мог взять? Так себе кланчик, средний. Руки нам лизали, в глаза заглядывали. Ну, были у них в городе кое-какие должно-стишки, кое-что контролировали. Но чтобы против нас, Собакиных, — упаси бог! Такого не было.

Дальше — больше. Эти Кошкины начали хитростью брать. Подослали своих мордобойцев и побили одного нашего товарища. Сильно. Ему на коллегии выступать, а он все путает. Понос с аппендицитом путает. Кофе — с коньяком. Да еще синяк под глазом. Загримировал я ему лицо. Под синяк. Синяк больше лица был. Загримировал. Лицо еще красивше стало. И пошел он выступать. И хорошо там выступил. Выпросил даже не две медали, а два ордена! Но для Кошкиных! Перепутал, собачин сын! Вот как побили.

Ну, тут Кошкины осмелели и вообще впереди лозунгов побежали. И в городе посты под шумок перестройки заняли. И посыпались мы, Собакины, кто куда.

Теперь больничный по уходу за собой не возьмешь. Сейчас Кошкины за собой ухаживают. В нашей финской бане не помоешься. Сейчас там Кошкины грехи смывают. А если я хочу бутерброд, например, с чем-

нибуть, то пожалуйста мне — бутерброд с хлебом. Во как все обернулось!

До смешного доходит. Клан Кошкиных намариновал на зиму два миллиона рублей. В двухлитровых банках. Это они этого миллионера из Каракалпакии окаракалпачили. А мы, Собакины, рты открыли и завидуем. Скисли. Будто чая хлебнули вместо коньяка.

Я понимаю, сейчас сложный период. Эти Кошкины нас побили нашими же лозунгами. А почему? Да потому, что наш клан всегда шел навстречу трудящим. Ся. И где-то мы с ними разминулись. Надо срочно найти трудящих. Ся. И снова пойти им навстречу.

Мы всегда заботились об интеллигенции. Но где-то она из-под нашей заботы выскользнула. Надо срочно найти интеллигенцию и снова окружить ее. Заботой и вниманием.

И последнее. Да, наш клан Собакиных — дружный клан. Мы всегда были щека к щеке. Но щека к щеке — щеки не увидеть. Вот где-то мы эту щеку и проглядели. Подставили ее Кошкиным. Поэтому нам, Собакиным, надо оглядеться и снова — щека к щеке. И смело — против Кошкиных.

Вот такое лично мое коллективное мнение!

ПРЯМОЙ ЭФИР

Сейчас многие в условиях гласности требуют от телевидения невозможного — гласности. Кричат: даешь прямой эфир! Ну, дам я вам прямой эфир. Как режиссер телевидения говорю — дам! И что? Думаете, многое изменится? Давайте попробуем.

Все! Даю прямой эфир. С конкурса молодых певцов. Второй тур. Поехали!

Внимание! Выходит первая певица. У меня на мони-

торах она в трех видах. На первой камере — крупный план певицы. Хороша! На второй камере — средний. На третьей — вид сзади. Что даем в эфир? Хороша певица, но не наша. Из другой области. Даем в эфир вид сзади.

А вот она уже запела. Голос трогательный, песня нежная, о любви. Что даем в эфир? Даем крупно самый низ левой брючины певицы. Там ниточка тащится. То, что надо! Любовь и ниточка несовместимы. И всю трогательность — как рукой.

Конец песни — показываем жюри. У них списки певцов и согласованные баллы. Все жюри поднимает 9 баллов. Единодушно, не подкопаешься.

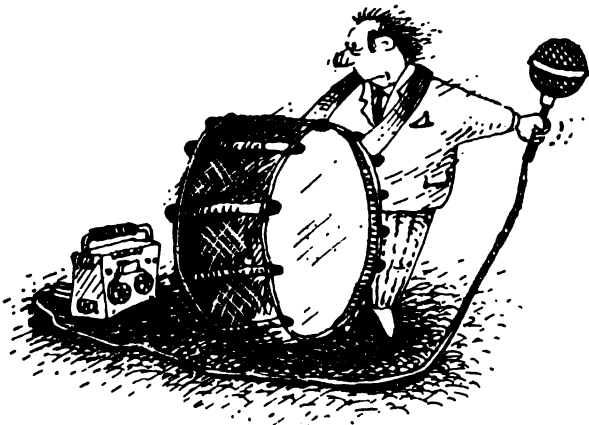
Выходит второй певец. Что даем в эфир? Певец вообще не из нашей республики. Правда, обаятелен. Жаль, что зритель этого не увидит. Даем самый мелкий план.

Певец начинает петь. Ах ты, чертенок, как он поет! Конечно, у них там на юге голос может иметь место. Но мы к этому готовы. Эй, на пульте! Громкость убавьте до предела. Ага, поутих... Ах ты, чертенок, он голос добавил. Ну, ничего. Эй, на пульте! Отключите тембры! Ага, побледнел голосишко... Ах ты, чертенок, он в голос тембру добавил. Надо же... японская аппаратура его не берет. Ну, ничего, не таких обламывали. Эй, на пульте! Пускайте его голос через делитель частоты. Делите на семь восьмых. Чтоб вся страна волком взвыла. Ага!.. Ага!.. Ах ты, чертенок, к делителю приспособился. Умножает сам свой голос на семь восьмых. Такого у меня еще не бывало. Как ужака под вилами. Эй, на пульте! Трубачей — на максимум и — через делитель частоты, пусть глушат. Эти не приспособятся... Ага, ага... Захлебывается певчишко... Ах ты, чертенок, на язык танца перешел. Внимание! Пошла в эфир репортажная камера. Хватайте крупный план мужика в восьмом ряду. Да наш, наш это, подсадной. Там у него в кармане котенок. Зритель про певца забудет, когда котенок начнет мужика

за нос кусать. Крупно показываем у мужика ухо, нос, котенка, укус! Все! Конец песни.

Жюри — 8 баллов. Единодушно, не подкопаешься.

Выходит третья певица. Это наша! Наша область, наш город, мой дом. Соседка. Что даем в эфир? Первую камеру крупно — нельзя. У певицы не тот фас. Вторую камеру сбоку — нельзя: не тот профиль. Даем третью камеру под углом 45 градусов, средний планчик, в дымке... Хороша! Из такого материала такую конфетку сделал. Ах ты, наша ласточка! Крупный план даем только ниже пояса. Выше нельзя, все потеряем. Какие ножки! Я отвлекся. Певица поет. Почему не слышно голоса? Эй, на пульте! Громкость — на максимум. Почему плохо слышно? Она что, простыла? А-а, это у нее голос такой, от рождения. Ничего, сейчас поправим. Эй, на пульте! Тембры — на максимум, оркестр — на минимум, трубы вообще пусть сходят покурят. Так, теперь ее уже слышно. Ах ты, наша ласточка!.. Эй, на пульте! Она верхние не дотягивает, дотяните умножителем. Настроились, послушали. Хорошо! Ах ты, наша ласточка! Я млею, как она поет.

Все! Оценки нашего жюри нашей певице 12 баллов! Единодушно, не подкупаешься. Гран-при!

Заканчиваем прямой эфир. Напишите нам, как вам понравился наш кривой кефир, извините, прямой эфир.

К ЛЮБОВНИЦЕ!

Застойный роман

Николай Петрович Шабашов работал распределителем квартир. Вот и пришлось распределить себе двенадцатикомнатную. Распределять квартиры было очень трудно, потому что мешала законная очередь.

Николай Петрович, отобедав, уже целый час шел на работу, но никак не мог дойти. Наконец он не вытерпел и закричал:

— Лиза! Да где тут у нас выход?

Жена Лиза вышла из ванной и покачала головой:

— Перерабатываешь, Колюня. Иди пополдничай.

На полдник были опостылевшие деликатесы.

Шабашов сказал:

— Лиза, ты бы хоть раз меня картошкой в мундирах побаловала.

— Не положено тебе по должности,— ответила жена,— я бы и сама сейчас блюдо окрошки бабахнула, да что люди скажут?

— А лекарство где?— спросил Николай Петрович.

Врачи прописали ему три столовых ложки икры перед едой. От памяти. И стакан коньяку после еды — от ума.

Николай Петрович принял лекарство «до еды» и «после еды» без еды. И вздремнул прямо за столом.

Разбудил его голос Лизы:

— Колюня, вставай, пора к любовнице.

Шабашов любовницу не любил. Но Лиза строго следила за моралью.

— Что о тебе без любовницы люди подумают?— говорила она.— Подумают, что с должности тебя сняли. Шепотом ругая свою судьбину, Шабашов стал собираться к любовнице.

— Душ прими да чистенькое все надень,— хлопотала Лиза.

Больше всего она боялась, что Шабашова разлюбит любовница, и будет у них все не как у людей. Поэтому и подарки Лиза всегда готовила сама. Она положила в рюкзак полкило золота, бриллиант из Индии по кличке Вася и трехлитровую банку французских духов. Упаковав рюкзак, Лиза спросила:

— Колюня, у тебя когда прием от трудящихся?

— С двух до шести по понедельникам.

— Ты бы на двухразовый прием перешел, что ли. А то расходы большие, и сыновья жалуются.

— Кстати, где они?— спросил Шабашов.— Давно не видно.

— Ой, как лекарство тебе помогает! Ты же их сам отдал в МИМО.

Николай Петрович обрадовался: ничего не помнит. А то раньше, бывало, проснется ночью и все помнит: сколько дал, сколько взял,— хоть кричи! А теперь — красота! Одно плохо — думать пока может.

— А чего они не заходят?— спросил Шабашов.

— Некогда им, учатся. И подрабатывают. Один — послом в Занзибаре, другой — атташе в Антарктиде.

— А у нас с Антарктидой хорошие отношения?— спросил Шабашов.

— С Антарктидой — хорошие,— ответила Лиза.— Ты иди мойся, а то опоздаешь,— спохватилась она.

Шабашов сел на край ванны и включил душ в стенку.

Мыться он не хотел, любовницу он ненавидел.

— Колюня,— слышалось из-за двери,— ты не забыл, где вы встречаетесь с любовницей?

— Конечно, забыл. Что я, лекарство зря принимаю? А где?

— В заповеднике. Оттуда звонили, сказали, лосята уже подросли, пора отстреливать. А лосята, говорят, такие чудные,мышленные, как люди. Сами подходят и головы — под ствол.

Николай Петрович всплакнул. Жалко лосят.

— Ты уж, Колюня, съезди, отстреляй,— продолжала Лиза из-за двери,— а то соседи слух пустят, что тебя сняли, раз не браконьеришь.

Николай Петрович вышел из ванной совсем раскисший. «Бедные лосята, проклятая любовница»,— думал он.

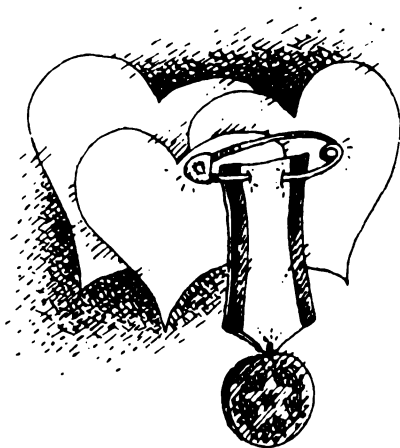
Николай Петрович обнял Лизу и сказал грустно:

— Не хочу к любовнице.

— Ты что, Колюня!— отпрянула Лиза.— Давай езжай, не опаздывай. Любовницы это не любят.

Николай Петрович вздохнул и вышел на улицу.

— Эх, Витек,— говорил он по дороге персональному

шоферу,— если меня с должности попрут, как же ты без меня будешь?

— Продержусь!— жизнерадостно отвечал Витек.— Я же в душе инвалид войны.

— В душе мы все инвалиды. А удостоверение у тебя есть?

— Вы же мне уже организовали.

— Все забыл, хорошее лекарство,— успокоился Николай Петрович.

— Куда едем?— спросил Витек.

Шабашов сказал:

— Ты — к моей любовнице, я — на собрание. Хоть отосплюсь... Вот жизнь!— добавил он.— Так не хочется, а приходится жену обманывать.

ХИМИЯ ИЛИ ЖИЗНЬ

Я думаю: чего это все закопошились в нашем городке? Бегают, суетятся. А оказывается, к нам делегация намылилась. Не то из Центра Африки, не то с Юга Австралии. Будут от нас опыт перенимать. То ли как не давать окружать окружающую среду. То ли как этой среде выходить из окружения. В общем, что-то из серии «Химия или жизнь».

А городок наш в этом смысле расположен удачно. Кругом — химия. А если присмотреться, то и жизнь.

Руководство городка, конечно, отбрыкивалось. Мол, какой тут опыт?! Только делегацию напугаем. А то и хуже, вдруг какой-нибудь слабак из них не выдержит. Но им твердо сказали: обеспечить передовой опыт! И трубку повесили. Ну, руководство городка и побежало обеспечивать.

Во-первых, посадочная полоса у нас маловата, не под те лайнеры. Бросились удлинять. Лайнер как раз

на посадку заходил с той стороны. А ремонтники с этой как раз начали удлинять. Ну, ничего, успели, заасфальтировали. Наш каток быстрее лайнера бежит, когда надо.

Правда, самолетик немножко въехал в огород деда Семена. Прямо возле крыльца остановился. А дед Семен на крыльце как раз медовуху пробовал. Глядь — самолет на подворье. Он думает: хорошая медовуха! Еще кружечку принял, для просветления, — не исчезает лайнер. Больше того, трап с самолета на землю спустился, люди сходят. А глава делегации, седой такой босс, деда Семена в объятия заключает.

Дед обнимается и думает: ох, и медовуха!

Но тут подросла группа встречающих. Говорят, извините, не туда въехали, проскочили. Босса — под руки и в аэропорт. И самолет из огорода вытолкали вручную и тоже укатили.

В общем, посадка более-менее удачно прошла. Началось самое трудное: как этого босса до города донести. Чтоб он и природой полюбовался, и дорогой понаслаждался. Ну, дорогу сделать успели. Комсомольский субботник с трех областей — и готова дорога. А вот как с природой быть? Где ее взять, если ее уже нету? И особенно вот этот участок, от аэропорта до города. Три завода и два химкомбината окружили природу и заглушили намертво. Пустыня.

Повезли этого босса из аэропорта. Он восхищается. Хорошие, говорит, у вас дороги. А места какие чудные! Вот, говорит, вдоль дороги — это что за деревья такие зеленые? А наш шеф отвечает:

— Это, говорит, березки. В масштабе 1:1.

А сам в поворот дороги вглядывается и думает: «Только бы успели до города засадить, только бы успели».

А в это время три завода и два химкомбината на полную мощь работают. Березки делают. Заводы — желез-

ные точат, а химики — из пластика. Тут же к дороге их подвозят, а юннаты, значит, озеленяют.

На четвертом километре под березами грибы пошли. Да такая крупизна! Уж постарались на деревообрабатывающем комбинате. Маслята, опята, обабки.

Потом по мостику речку проехали. Речку полиэтиленовой пленкой закрыли, чтоб не пахла. А на пленке такую голубую волну нарисовали, аж до слез. И утки подсадные по пленке будто бы плавают. А пионеры под мостом с манками сидят, крикают.

Босс говорит:

— А нельзя ли утку стрельнуть?

Шеф отвечает:

— А пожалуйста, — и двустволку ему подает.

Босс — бабах! — в стаю. Из-под моста — Жучка, в зубах уточка, уже ошипанная. Подбежала к боссу, в ножки положила.

Босс спрашивает:

— А рыбка как, водится?

А у нас до самого горизонта все рыбаками усеяно. Свистнули рыбаков. Из-под моста пионер Вася с ведром живых карпов. Все продумано.

На восьмом километре от аэропорта подключилась фабрика меховой игрушки. На березах птицы пошли.

Босс спрашивает:

— Что за птицы?

Шеф говорит:

— Воробьи не воробьи, сороки не сороки, а по каталогу — просто птица. Наверное, голубь.

Потом зайцы под березами пошли. Валяются, загорают. И два чебурашки. Тут напутали.

Босс говорит:

— А чего они все притаились. Вроде бы как жизни не радуются.

Шеф отвечает:

— Сейчас обрадуются,— и соединился с кем-то по рации.

Уже через два километра птиц озвучили. Пели как соловьи. Зайцы прыгали на задних лапах и кричали: «Дружба, дружба!» А дальше летающие попугаи пошли. Прямо на лету яйца несли на капот машины. Куриные.

Босс восторгается:

— В такой сложной химической обстановке и такая буйная жизнь.

В общем, до города проскочили. А от городской природы многого не требуется. Пару раз кислородную подушку включали в салоне — и все.

Тут босс на завод проситься начал. Интересно, говорит, посмотреть, чем там люди дышат.

А вот с людьми-то у нас как раз загвоздка. Во-первых, в темноте светятся слегка. А при свете — зеленоватые малость. Конечно, и их можно одеколоном вспрыснуть, подкрасить, подмалевать. Но ведь босс этот мо-

жет пальчиком по щеке мазнуть и догадаться. Да и как-то люди все-таки, наша гордость. Вот ведь звери ушли, рыбы уплыли, природа подохла, а человек-то все-таки остаётся человеком. Ему и бежать-то некуда.

Тут похитрей приемчик нужен. Вывели мы, значит, всех рабочих из цеха через пожарный выход, бомбоубежище на волю и отправили в отгулы. Рыбачьте, охотьтесь, на травке валяйтесь или — по грибы. А в цех завели заводскую хоккейную команду. Ребята только из турне по Индии вернулись. Босс как глянул на этих молодцов у серно-кислотной ванны, так сразу не поверил. Дайте, говорит, трудовую книжку, вот хотя бы этого богатыря. Дали. С паспортом, с фотографией. Босс читает: «Оператор травильного отделения». И стаж работы на заводе — 10 лет. А эта ванна — его рабочее место.

Сказал босс: «Все, сдаюсь», — и ушел из цеха.

Вечером все стояли на берегу искусственного пруда из кровельного железа. Лягушки квакали, утки кричали, луну цинковую на вертолете подняли. Тишина. Только вертолет над ухом стрекочет.

Босс сказал:

— Это невероятно. Пришлю к вам своих специалистов, пусть изучают.

Мы ему:

— Конечно, присылайте.

А сами думаем: выкрутимся. Или визу не дадут, или погода нелетная, или город наш вообще переименуют, затеряется на карте России. Так что пусть приезжают — выкрутимся.

РЕЧЬ ПЕРЕД КОНКУРСОМ

Товарищи члены конкурсной комиссии! Перед третьим заключительным туром я, как председатель комиссии, должен сделать сообщение. Сегодня нам предстоит отобрать двух кандидатов на должности продавца и грузчика в универсам № 5. На третий тур прошло 200 претендентов из 600 подавших заявления. Но лишь двое попадут в государственное училище погрузочно-разгрузочного искусства имени купца Калашникова при универсаме № 5. Закончив его, они займут достойное место в торговле.

Сегодняшние грузчики и продавцы пользуются заслуженным уважением среди покупателей. Ведь они несут, а иногда просто тащат и везут продукты. В торговый зал. К людям.

На третий тур пробилась лишь самые талантливые и образованные товарищи. Среди них инженеры, врачи, учителя, юристы, агрономы и зоотехники. И это закономерно. Сказать свое слово в торговле стремится каждый. Людям есть что спросить, а торговым работникам есть что сказать людям. Но сказать надо правильно, так, чтобы не обидеть покупателя, чтоб он ушел довольный и больше не возвращался. Далеко не каждому это по силам. Поэтому мы ищем таланты.

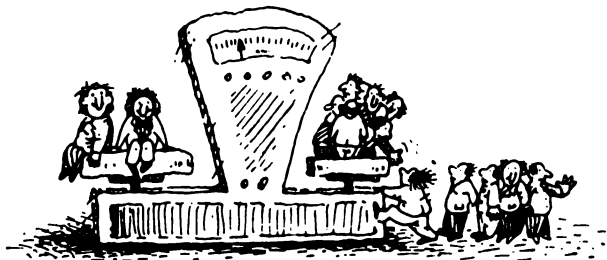
Попутно я хочу сказать спасибо за пристальное внимание к торговле. Растут новые магазины, расширяются торговые залы и загошники для дефицита. Так, на строительстве универсама № 6 уже сдана в эксплуатацию третья очередь. За колбасой. И четвертая — за конфетами. К концу года предполагается довести торговые площади до ста квадратных метров на один килограмм шоколадного масла.

Приятно, что в торговле начинают появляться семейные династии. Как в литературе, искусстве, на производстве. Ведь были же когда-то Дюма-отец, Дюма-сын,

если не ошибаюсь — Дюма-теща. И сейчас перед нами выступят представители трудовых династий. Например, Соколов-младший — юрист по образованию. Его отец Соколов-старший — инженер по образованию. Но оба они работают носильщиками на Казанском вокзале. Юрист Соколов-младший покажет номер, как незаметно пронести три чемодана с джинсами для спекулянтов возле инспектора. Номер сложный. Потому что чемоданы открываются и джинсы вываливаются инспектору под ноги. Ударна концовка, когда Соколов уходит с двумя чемоданами, а инспектор — с одним. Расходятся по доброму согласию.

Перед конкурсной комиссией выступит также Дора Наумова. Она выпускница Ленинградской консерватории и дочь бывшего директора универсама. Ее папа по уважительной причине еще пять лет не сможет работать в торговле, поэтому дочь подхватила эстафету. Наумова-дочь с закрытыми глазами определяет хрустальные вазы среди прочих. Ведь у нее абсолютный слух.

Петров-сын, врач по образованию, работает грузчиком локомотивного депо Свердловск-Сортировочный. Петров-сын поднимет правое заднее колесо локомотива с полусью и подшипником. Под собственную музыку. В момент подъема тяжести он будет кряхтеть поэму Рождественского. Вперемежку со своими собственными

выражениями. Конечно, это сильный грузчик, но сможет ли он работать в торговле? Не лучше ли ему остаться в депо?

Достойна внимания кандидат наук Кузькина-дочь с мешком сахарной крупы. Она вручную несет его домой. Эта фамилия знакома комиссии. Ее мать также переносит тяжести из ресторана «Светлый путь», где она трудится буфетчицей. Вполне может образоваться еще одна династия: Кузькина-дочь и Кузькина-мать.

Словом, достойных много. Но нужно отобрать только двоих. И они уже есть. Я не буду называть их фамилий. Давайте сначала посмотрим всех остальных. Тех, кто не пройдет по конкурсу.

НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ НА ЗАВТРА

Есть у грузин красивый обычай. Когда на свет появляется младенец, отец-грузин закапывает в землю бочку вина. Ее откапывают лишь в день свадьбы возмужавшего младенца.

Как люди заботятся о будущем ребенка! С первых минут его жизни.

Надо бы обычай распространить. Но не в смысле вина, а вообще. Например, родился у вас ребенок — вы сразу в цехком и от его имени подаете заявление на квартиру. Глядишь, лет через 20 в комнату въедет. Ребенок пошел в первый класс — заставьте его написать заявление на телефон. Глядишь, на старости лет со своего телефона посудачит. Со «Скорой помощью». В пятый класс пошел ребенок — вы в кассы аэрофлота бегите. Займите очередь. Ребенок аттестат зрелости получит — сможет билеты на юг купить. Туда и обратно. Пока он билет берет, вы телеграмму на юг дайте, тому мальчику-грузину, который свадьбу ждет. До свадьбы ему делать

нечего, пусть займет очередь в столовую на обед. Ваш мальчик прилетит на юг, очередь как раз подойдет, и они вместе пообедают.

Конечно, не все родители бесшабашные, многие заботятся заблаговременно. Ребенок еще за пятый класс все тройки не выбрал, а его уже в институте ждут. Он в институте еще не успел третий раз на первом курсе восстановиться, а на него уже вызов из Москвы пришел, как на крупного специалиста. Он на производстве первый раз пообедать еще не сходил, а его вызывают на повышение.

У меня у соседа сын родился — сосед сразу в магазин. Не в гастроном, а в мужскую одежду. Купил там дубленку 50-го размера. Говорит, лучше сейчас купить ребенку дубленку, чем через 20 лет. Потом обувь стал

закупать: 12-го, 13-го, 14-го размеров и — до 44-го. Потом джинсы всех размеров купил. С 16-го до 50-го, потом — свитера, пуловеры, теплое белье, десять кожаных пиджаков всех размеров, плащи, куртки, шапки, зонты. Три свадебных костюма, на случай разводов. Три фляги икры. Одежду рассортировал и — в сейф, икру — в землю. Говорит, к свадьбе выкопаю. Сейф с одеждой застраховал и ходит довольный. Говорит, ребенок на всю жизнь обеспечен. А мода, она повторяется, но на другом уровне. Подороже.

Сосед говорит: вот папа у меня в свое время не позаботился обо мне, и я в жизни с трудностями встречаюсь. Хорошо, хоть библиотеку оставил. Купил тогда тыщу томов с аванса. Сейчас эта библиотека выручает. Я, говорит, на нее всю одежду малютке и купил. Сейчас еще три мешка семиведерных с книгами осталось — это на карманные деньги сынишке.

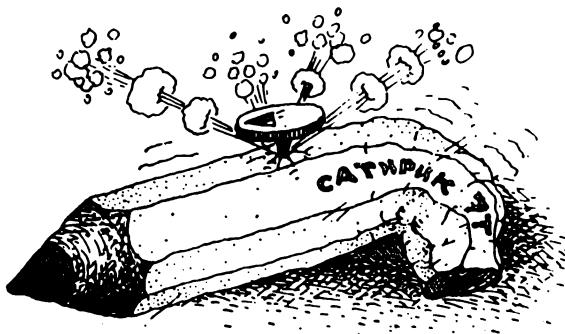
Я, говорит, не откладываю покупки на завтра. Завтра, оно дело такое, ненадежное. По пословице живу. Не откладывай на завтра то, что можно купить сегодня.

К САТИРИКАМ

Пора эту критику прикрывать. Зачем вообще она нужна? Мешает жить, и ничего больше. Вот недавно меня обкритиковали. Плохой, говорят, я хозяйственник. О своем личном много думаю, а о государственном мало. Но это неправда. У меня своего личного, считай, ничего нет. Все государственное. Гараж — государственный, гостиница — государственная, склад — государственный. Все учреждение мое — государственное. Просто я им распоряжаюсь. Гаражом, гостиницей, складом, всем учреждением. А лично мне ничего не надо. У меня все есть. В гараже, в гостинице, на складе, во всем учреждении. Я звоню и распоряжаюсь:

— Грузовик — в дачный кооператив, со склада дефицит — по адресу, в гостиницу — Иванова, путевку — Петрову, а Сидорова увольте. За что — сами придумайте.

Приходят эти сатирики и говорят: неправильно распорядился. Откуда они знают? Коллектив сообщил? Ну, с коллективом разберемся. Узнаем, кому там что надо. А сатирикам что надо? Откуда в них эта жажда критиковать? Да от плохой жизни. А откуда плохая жизнь? От критики. Вот пусть попробуют не критиковать, может, жизнь улучшится. Пусть сатирик придет ко мне и скажет, в чем дело, и попросит, что надо. Может, жена пилит? Попроси, я помогу с разводом. Может, соседи неласковые? Попроси, помогу с квартирой. Может, желудок не срабатывает? Попроси, помогу с лекарством. Только не лезь в мои дела. И я в твои не полезу. Пиши. Слева направо на стандартной бумаге хоть 25 листов в день. Но пиши хорошее! На плохое не обращай внимания. Я понимаю, увидеть хорошее трудней. Оно, как драгоценный металл, всегда в глубине. Вот и смотри вглубь. А плохое увидеть, конечно, проще. Посмотрел по сторонам и увидел. Заглянул в себя и обнаружил. Как сказал поэт, то есть я: «Хорош и плодовит сатирик тот, кто

сам имеет множество пороков». Ха-ха! Как поэт я сказал, даром что хозяйственник! Не пошел ведь в поэты. Вот поэтому и обращаюсь к сатирикам: давайте не будем! И обращаюсь к хозяйственникам: давайте поможем! Пусть сатирики принесут нам списки, кому что надо. Мы, хозяйственники, обеспечим. А вы обеспечьте тишину. Договорились?

ГЛАСНОСТЬ ИВАНОВНА

Как-то так повелось, что в переломные периоды истории возникают и соответствующие имена людей. Вот, например, раньше были имена: Революция, Милиция, Электрификация. Да и сейчас общественные идеи прочно входят в личную жизнь. Время такое бурное.

И вот в это интересное время и решили собраться вместе интересные лица с интересными именами на Новый год.

Собраться решили у рядового труженика без имени и без фамилии.

Первой пришла Гласность Ивановна. Она была девушкой красивой, но какой-то недокормленной. Видимо, сказывалось тяжелое подпольное детство. У нее были огромные испуганные глаза. И ма-а-аленький ротик.

— Гласность Ивановна, дорогая, проходите, садитесь, рассказывайте,— пригласил хозяин дома, рядовой труженик.

Она прошла в комнату, озираясь и вздрагивая. А потом стала устраиваться на краешке стула. Краешек она хотела занять очень маленький и поэтому даже два раза падала. Наконец она присела, но как-то над стулом. И скромно моргнула большими глазами. Она редко ими моргала. Примерно раз в квартал.

В это время в квартиру без звонка ворвалась Демо-

кратия Степановна. Выглядела она хорошо. Она всегда была женщиной очень популярной. Ведь про нее по многу раз в день говорили по телевизору. Но вот так, в жизни, хозяин увидел ее впервые. Она сразу шикарно уселась и закурила. Стул она выдернула из-под Гласности, но та не упала, продолжала сидеть без стула.

— Скучновато у вас,— сказала Демократия Степановна,— может, расскажете что?— обратилась она к Гласности.

Гласность Ивановна скромно улыбнулась и написала на бумажке: «Нельзя, а то услышат». Она показала текст и бумажку скушала.

— А кого мы еще ждем?— нетерпеливо спросила Демократия Степановна.

— Ускорение должен прийти,— ответил хозяин,— что-то опаздывает.

В дверь позвонили. На пороге возникли братья-близнецы Оптимизм и Пессимизм. Оптимизм сразу включил телевизор. Там передавали сводку погоды. Оптимизм не расслышал и переспросил:

— Какое, какое направление свежего ветра ожидается?

Пессимизм ответил:

— У нас одно направление — в морду.

В дверь позвонили.

— Ускорение пришел!— воскликнула Демократия Степановна.

Но это был опять не он. В комнате появился бодрячок с барскими замашками по имени Застой Ильич. Из карманов у него торчали четыре взятки и два служебных положения. Ими он все время пользовался.

Застой Ильич сказал задумчиво:

— Вот взял четыре взятки, а на душе почему-то неспокойно.

— А ты отдай,— посоветовал Оптимизм.

— Да кто же свои-то отдает?

За стол решили садиться без Ускорения. Каждый налил себе спиртное по вкусу. Пессимизм — из банки в кружку. Оптимизм — из канистры в фужер. Демократия Степановна — из фляги в рюмку. Лишь Застой Ильич решил себе не наливать. Он принес с собой и мог из горлышка.

После первой за старый год стало заметно веселее. Демократия Степановна встретилась взглядом с Застоем Ильичом и сразу зарделась и заегозила. В молодости он был мужчина не промах, и Демократия об этом хорошо знала. Он подмигнул и сказал ей:

— Ну что, Степановна, а ты — молодцом! С тех пор почти не изменилась.

Потом он покосился на Гласность Ивановну и спросил:

— Кто такая, почему не знаю?

— Да это же наша Гласность! — хором ответили ему.

Застой Ильич поманил ее пальчиком и подарил тюбик зубной пасты. Гласность Ивановна метнулась в ванную чистить зубы. Остальные выскочили из-за стола и устроили очередь в ванную.

За стол все вернулись белозубыми. Гласность Ивановна от такого счастья улыбнулась во весь ротик. Там был всего один зубик.

— А остальные где?— спросил Застой Ильич.

— А то вы не помните?— нехорошо засмеялась Демократия Степановна.

— Да, хорошее было время,— сказал Застой Ильич и поискал глазами чем закусить.

— А вы — язем, язем,— посоветовали Оптимизм и Пессимизм.

— Пожалуй, съем хвостик,— и он отрезал хвост по самую голову.

Гласность Ивановна знала, что язь — радиоактивный. Но промолчала.

В дверь позвонили.

— Ну, это точно Ускорение,— сказал Застой, открывая.

На пороге стоял еще один Застой.

— Зачем два Застоя-то?— закричала Демократия Степановна.

Второго Застоя общими усилиями вытолкали за дверь. Он долго ругался с той стороны и напоследок сказал:

— Погодите уж, приду ишо.

И ушел.

Застой Ильич всех успокоил:

— Да не расстраивайтесь вы,— и подарил каждому по средству от тараканов.

Настроение заметно поднялось. Все представили, как они будут жить без тараканов.

За дверью кто-то жалобно скулил и скребся.

«Ну, это точно Ускорение»,— подумали все.

В квартиру вошел маленький Новый Год. Он долго шарил в пустом мешке. Потом вынул и предъявил свои документы на имя Ускорения.

— Так вот оно какое маленькое?!— удивился Застой Ильич.— И ради этого сопляка весь сыр-бор?

— Ничего, подрастем,— уверенно заявил Новый Год, он же Ускорение.— Давайте-ка посмотрим в будущее.

Все построились в шеренгу, завязали глаза Пессимизму и посмотрели в будущее. Вместе с Оптимизмом.

ЭКСКАВАТОР

По городской околице весело бежал шагающий экскаватор. Он бежал красивой крупной рысью, вытянув длинную шею-стрелу вперед. Иногда исполин сбивался на галоп. Тогда машинист экскаватора Себяшко чуть сбавлял газ и переводил его на рысь. В целях экономии горючего.

Инспектор ГАИ Гаврилов на «Жигуленке» тщетно пытался остановить бегущее транспортное средство. Экскаватор аккуратно перешагивал желтую машинку и бежал дальше. Наконец у инспектора Гаврилова кончился бензин, и он отстал.

Машинист Себяшко был в отличном настроении, он решил посвятить сегодняшний воскресный день рыбной ловле.

К лесному пруду уже подтягивались и другие спортсмены-рыболовы. Кто — на «Волгах», кто — на МАЗах, а кто — просто на вертолетах. У поворота на лесную дорогу к обочине автострады притулился совсем новенький ИЛ-86. Экипаж Кулебякинского управления Гражданской авиации поприветствовал Себяшко, пробегающего мимо на своем экскаваторе. Стюардессы сгибались под тяжестью сеток с закуской и очаровательно улыбались. «Похоже, с ночевкой намылились»,— подумал Себяшко, сбавляя газ на повороте.

Клев стоял отвратительный. К обеду Себяшко пересчитал улов. У левой задней ноги экскаватора лежал,

как ни считай, всего один скрюченный ершик с грустными глазенками.

Директор карьера, в котором работал Себяшко, раскинул снасти по соседству. Он также складывал улов возле транспортного средства — служебной «Волги». У левого заднего колеса лежала пустая бутылка из-под лимонада. Рыбы пока не было.

— Себяшко, друг, как твои дела с экономией горячего?

— Хорошо, товарищ директор. Экономлю больше, чем за прошлый год.

— Молодец... Вот клев паршивый. А помнишь, как лет пять назад здесь клевало? Ведь по сорок окуней с тобой выдергивали.

— На удочку. А с динамитом и того больше, — отозвался Себяшко.

— Да-а... А как вывозили улов? На худеньком «зилке». А сейчас — такая техника! У тебя шагающий в ковш тонн сорок возьмет, а повезешь ты домой одного ершишку. Смех.

Невеселый разговор прервал инспектор ГАИ Гаврилов. Он заправился по сходной цене у проходящей по трассе машины и сейчас приехал на пруд с проверкой.

С противоположного берега вспорхнули стайкой пять вертолетов. Их водители, очевидно, заметили машину Гаврилова и решили улететь от греха подальше. Путь-вые листы у них, конечно, есть, но вдруг оформлены неправильно, да мало ли к чему можно придаться.

Себяшко протянул путевой лист Гаврилову. Тот вчитался, вернул путевку обратно, козырнул и уехал.

Под вечер клевать стало еще хуже. Сначала уехал директор на «Волге», а потом и Себяшко, положив ерша в карман, полез в кабину экскаватора.

На автостраде ИЛа-86 уже не было. Себяшко посмотрел в небо и увидел его там. «Видать, раздумали с ночевкой. Не клюет... А может, за червями полетели».

Через час в район городской околицы вбегал шагающий экскаватор. Себяшко решил не гнать его в карьер, а поставить возле дома. Ведь завтра рабочий день. Рано утром надо отвезти дочь в ясли. Потом съездить на работу — отпроситься в аэропорт встречать тещу. После этого жена должна съездить на экскаваторе на базар за продуктами, потом — в ателье на примерку, потом — в парикмахерскую.

Себяшко припарковал шагающего возле дома, слез на землю, хлопнул по карману с ершом и легко вбежал по ступенькам в подъезд.

ТРАВМА

Тут такой случай произошел. Приходят ребята из локомотивного депо и говорят: «Переходи к нам. Зачем этот комбинат тебе нужен? А у нас — заработки». Я думаю: еще раз схожу на комбинат и уволюсь.

Отработал нормально, иду с работы, как обычно, несу с комбината мешок сахара, к чаю. Ну и килограмм-

мов восемь дрожжей, к пирогу. В щель забора нормально вылез, метров сто по пустырю прошел. А потом не повезло — свалился в яму, вывихнул ногу. Лежу, на звезды любуюсь и думаю, производственная это травма или бытовая? Раз с работы шел — производственная. С другой стороны, сахар и дрожжи нес к чаю, могут посчитать за бытовую. А это невыгодно — сидеть по справке. Да и несправедливо! В самом деле, человек отдал все силы на производстве, поэтому не смог дотянуть до дома и травмировался. По правилам техники безопасности надо акт составлять. Но какой? Акт на травму или на хищение? Лежу, думаю. И тут вижу, по пустырю наш инженер по технике безопасности идет. Тоже с мешком! Такое везение! Только я хотел из траншеи у него проконсультироваться, он — хрясть ногой в яму и рядом лег, контуженный. Мешком сахара ему голову придавило, лежит, не шевелится. Мне пришлось по правилам техники безопасности вдуть жизнь в инженера по технике безопасности. Иначе кто же мне акт оформит на травму? Я сделал все так, как он сам нас учил. Голову ему запрокинул, освободил рот от посторонних предметов: сахара, дрожжей. И вдул в него жизнь, как положено, — по системе «рот в рот». Очнулся он и говорит: «Это не пустырь, а какое-то минное поле. Сколько здесь наших полегло!»

Я его спрашиваю:

— Ты идти можешь?

— Идти могу, соображать не могу, с головой что-то.

Я говорю:

— А я соображать могу, идти не могу, с ногой что-то.

Получалось, в сумме мы с ним за одного нормального сойдем. Который ходить и соображать может одновременно. Начали мы с ним ходить—соображать, как дальше быть. Вернее, я лежу соображаю, а он вокруг меня ходит.

Я вслух соображаю. Вот хорошо, говорю, началь-

ству нашему. Им не надо по пустырям с мешками горбатиться. Захотел сахара к чаю — дал команду шоферу, и тот вывез пару мешков дрожжей.

Потом говорю: а что мы думаем? Оформляй два акта, что у нас с тобой обе травмы производственные.

Он отвечает:

— Здесь комиссия нужна. А в комиссии представитель профкома.

Так сказал и громко засмеялся. Я думаю: все, свихнулся, прощай, больничный. Но оказалось, он по делу смеялся. По пустырю представитель профкома шел, с мешком.

Мы залегли, ждем. Инженер по ТБ мне шепчет:

— А вдруг он пройдет, не запнется?

Представитель профкома поравнялся с нами, мы ему свистнули, он от дороги отвлекся, и — есть! — член комиссии в яме. Мы его откачали, от сахара отряхнули, спрашиваем: ну как? Он отвечает: плохо, с руками что-то. Инженер по ТБ говорит: ну и хорошо, что плохо. Надо акт на групповую производственную травму оформлять.

Профкомовец говорит:

— Да, хорошо, что члены комиссии у нас все в яме. Но два свидетеля нужны.

Тут мы все трое захохотали. По пустырю два свидетеля с мешками двигались. Мы залегли в траншею и ждем. Подпускаем их ближе, ближе, еще ближе. И тут профкомовец скомандовал:

— Огонь!

Свидетели залегли, мешки бросили и — ползком отступать начали. Но мы из траншеи успели объяснить, что свои мы, что раненые у нас есть, что помощь требуется. Большое дело — взаимовыручка! Они в акте сразу расписались. Подтвердили, что все мы на трамвайной остановке травмировались. Причем с работы шли по-рожнюком.

Две недели я на больничном сидел, чай с сахаром пил, размышлял. Ну, мешок на голову — ладно, пережить можно. А если я в локомотивное депо перейду? Вот так понесешь заднюю часть локомотива — да в яму! Тут травмой не отделаешься. И не нести нельзя. Надо жить, чтобы нести. И нести, чтобы жить.

Не-е-ет! Остаюсь на комбинате. Жить хочется!

СДВИГИ

Сдвиги есть, есть сдвиги. Не всегда они бросаются в глаза, но иногда их видно.

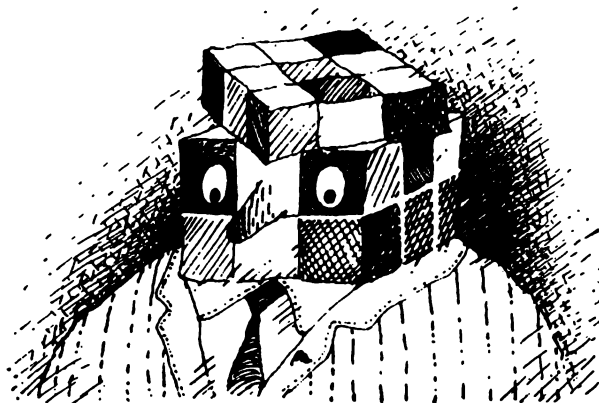
Особенно их видно в телевидении. Раньше многие жили по принципу: посмотрел телевизор и сделал наоборот. Теперь многие ориентируются на газеты. Прочитал про жулика — и сделал как написано. От газет пошли сдвиги в сознании людей. Люди не знают, что и подумать. Тем, кто уже ушел от нас, — им легче. Они жили, но не знали, что живут не так. Поэтому ушли от нас при полном достатке, но с чистой совестью. А как быть тем, кто еще не ушел от нас? Ведь им обидно. Они бы тоже могли. Но не знали. А теперь знают, но не могут.

Потому что пошли сдвиги в правосудии. И теперь не то что дать взятку, а и получку жене отдать опасно — могут конфисковать все имущество. Сейчас, говорят, даже пчелы взяток не берут. Боятся лететь за взятком.

Влюбленный Николай подарил цветы и конфеты любимой Нине. Акт дарения происходил ночью, без свидетелей, под мостом, в шести километрах от города. Но влюбленные были взяты с поличным. Товарищеский суд доказал виновность Нины — она брала за любовь цветами и конфетами.

Есть сдвиги в использовании государственного транспорта. Они особенно заметны на базаре. Как глянешь на цены, так понимаешь, с каким трудом яблоки ехали через Армавир — Ростов — Воронеж с тремя проверками на постах ГАИ.

И навоз на дачу сейчас за десятку не подвезешь. Боятся. Не боятся только за двадцать пять. Но навоз, по-моему, стал лучше. Агропром приложил к нему свою руку. Под его руководством коровы сознательно шли на то, чтобы есть меньше, а давать еще больше.

Пока нет данных о связи Агропрома с урожаем. Но известно, что данные собирали те же студенты на тех же площадях и портятся эти данные в тех же овощехранилищах.

...Сдвиги есть во всем. Иногда как в кубике Рубика. Двигаешь одно, а сдвигается другое. Но двигать надо. Хочется, чтобы все грани нашей жизни были нужного цвета.

До новых сдвигов, товарищи!

**ДО ЧЕГО ЖЕ
МЫ РАЗНЫЕ**

НОВЫЙ ДОМ

Хорошо жить в новом доме на двенадцатом этаже. Дом новый, этаж двенадцатый, воздух чистый, обзор, ветер в лицо. Если лицом к окну лежишь. Лежишь и одеяло держишь зубами, чтоб не сдуло. А руки под одеялом. Пусть греются. Из балконных щелей такие порывы, что изображение в телевизоре качается. А иногда его срывает вправо на полметра. И обидно. Передача хорошая. О высоком качестве проектных и строительных работ.

В такой зимний вечерок хочется выскочить из-под одеяла и выбежать на улицу, на морозец, погреться. Чтоб щеки — розовые, как яблоки, чтоб пар из груди рвался и выдох таял изморозью в воздухе и падал на землю в виде незначительных осадков. А потом с улицы, с морозца, хочется вбежать в квартиру и, не раздеваясь, снова под одеяло. И там всю ночь мечтать, чтоб быстрее бы утро, да на работу, да согреться, да отдохнуть. Но как же выскочить и заскочить? Проблема.

То, что мой сосед в лифте на работу спешил и застрял,— это не смешно. То, что он там шесть часов просидел,— это грустно. Но то, что он с похмелья был,— это трагедия. Шесть часов с похмелья, в клетке, без единого напитка. Когда его из заключения освободили, он сухими губами прошептал:

— Все! Бросаю раз и навсегда.

— Пить?

— В лифте ездить.

И бросил. Раз и навсегда. Похудел, осунулся, но слово держит. Ни грамма в лифте не ездит, только пешком.

Но и пешком проблема. По вечерам на лестнице полный интим. Его создают старшеклассники. Электричество они не любят и лампочки ликвидируют. До земли идешь сквозь строй старшеклассников. И старшекласс-

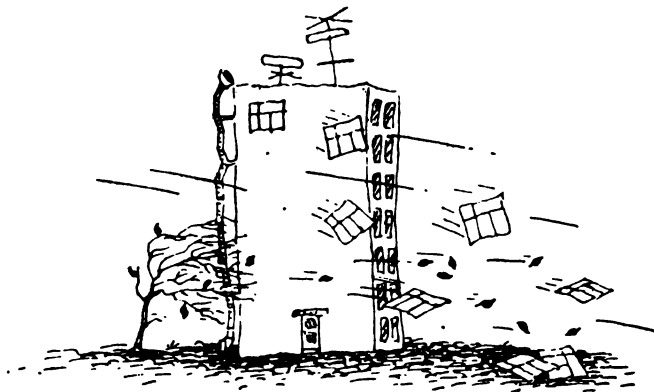
ниц. Сколько их там на лестнице? Ровно столько, сколько сигаретных огоньков. Неудобно мешать молодежи. Но и идти надо.

Дом новый, половицы скрипят. Отметил крестиками нескрипучие и стал ходить только по ним. Сосед снизу плакал от счастья. Говорит, сейчас иногда заснуть удастся.

Дом новый, этаж двенадцатый, с водой перебои. Санузлом пользуюсь не тогда, когда захочу, а когда имею возможность. Когда вода есть. А когда ее нету, вывешиваю на санузле табличку: «Дом новый, этаж 12-й, санузел не работает. Ближайший санузел в кино-театре «Салют».

Дом новый, газ не подключили, с ужином не разбежишься. Над газовой плитой повесил табличку: «Газа нет. Ближайший буфет — две остановки метро. Ближайшее метро — пять остановок автобуса. Ближайший автобус — три оврага направо по котловану под линией высокого напряжения у 20-го столба».

Дом новый, этаж двенадцатый, а старушка на пенсии. Ее как на двенадцатый этаж завезли, она там и

сидит. На улицу даже не просится. Ей порассказали, кто на лестнице обитает, как лифты работают, и она не дергается. Знает, что до улицы ей как до Луны не доехать. А тем более не дойти. Она сидит на двенадцатом и думает:

«Нет уж. Заехала, и все. Раз и навсегда. Сейчас на улицу попаду, если уж не по своей воле вынесут. А кто понесет — ох, намается. Лестницы узенькие, да двенадцатый этаж, да переходные лоджии... Ох, намаются со мной, помоги им господи».

ЭСТАФЕТА ДЛЯ БУКЕТА

Вот так посмотришь по сторонам и видишь — на чем только люди не экономят! Одни — на еде, другие — на одежде, третьи — на обуви. Взгляните по сторонам, и сразу увидите, кто на чем экономит. Вот и жена с тещей сагитировали меня на чем-нибудь сэкономить. Я попробовал. На еде, на одежде и на обуви не получилось. Тогда решил экономить на подарках к 8-му Марта. Тем более что я не первый, многие уже экономят. Я начал со строгого отбора кандидатурш на цветы к 8-му Марта. У меня получилось четыре женщины, которым не подарить цветы к празднику просто невозможно. Во-первых, воспитательница детского сада, в который ходит мой сын. Во-вторых, классная руководительница в английской школе, в которую ходит моя дочь. В-третьих, моя жена, с которой я живу. В-четвертых, моя теща, которая живет с нами.

Я долго думал, сколько надо покупать букетов, чтобы у всех четверых праздник запал в душу на всю жизнь. Я изучал, наблюдал, взвешивал, следил и пришел к выводу, что надо покупать один букет на всех. Накануне праздника я покупаю букет и несю его воспитательнице

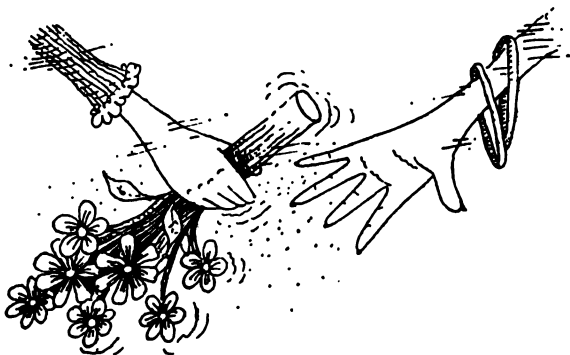
сына в детский сад. Я дарю цветы ей от чистого сердца, чтобы она воспитывала сына еще лучше. Воспитательница в целях экономии тут же пускает цветы в свой подарочный оборот. То есть несет мой букет в поликлинику к знакомой женщине-врачу и дарит его от чистого сердца, чтобы женщина-врач лечила ее еще лучше. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само лечение бесплатное, но хочется и вылечиться. Женщина-врач берет цветы и также в целях экономии спешит с этим букетом в музыкальную школу, где учится ее сын. Она дарит цветы педагогу сына от чистого сердца, чтобы педагог учила сына еще лучше. Педагог приносит букет домой и просит меня поставить цветы в вазу. Педагог приходится мне женой. Педагог-жена снова уходит на работу по расписанию, а я вынимаю букет из вазы и бегу с ним в английскую школу к классной руководительнице дочери. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само образование бесплатное, но хочется, чтобы ребенок чему-то и научился. Классная принимает букет от меня на ходу и исчезает с ним в облачке снежной пыли в направлении билетных касс. Там она передает букет, как эстафету, уже бегущей кассирше, получает от нее билет на поезд и уезжает к своему мужу в другой город. Для тех, кто не знает или забыл, напоминаю, что поезд перед праздником увозит много пассажиров, но хочется уехать и самому. Бегущая кассирша продолжает бежать уже с букетом к магазину «Фрукты» за апельсинами. Кто не знает или забыл, что такое апельсины, напоминаю, что это такие оранжевые шары, похожие по виду на хоккейные мячи, но вкуснее. Бегущую кассиршу на крыльце магазина поджидает продавщица с авоськой апельсинов. Завидя кассиршу, она начинает семенить на месте, набирает скорость по прямой и принимает эстафетный букет на максимальной скорости. Одновременно кассирша забирает авоську себе и убегает с ней в обратном направлении. А продавщица мчится

за угол дома и буквально ныряет в подвал к сантехнику Евдокимову. Она забрасывает его цветами, чтобы он не отключил отопление в магазине. Для тех, кто не знает, напоминаю, что у Евдокимова в период с 1-го по 8-е марта — день рождения. В этот период он берет только цветами. Евдокимов выскакивает из подвала и мчится во Дворец спорта к тренеру по фигурному катанию своей дочери. Тренер приносит эти цветы домой и просит меня поставить их в вазу. Тренер — моя теща. Тренер-теща снова уходит на работу по графику, а с работы по расписанию возвращается педагог-жена. Я незаметно достаю цветы из вазы и дарю ей от себя лично. Она ставит их в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла из школы?

Я объясняю ей, что в целях экономии отнес его воспитательнице в детский сад. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и снова уходит на работу по расписанию. Когда с работы по графику приходит теща, я достаю незаметно цветы из вазы и дарю ей от себя лично.

Она ставит цветы в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла с секции по фигурному катанию?

Я объясняю ей, что в целях экономии подарил его классной руководительнице в английскую школу. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и уходит в другую комнату смахнуть слезу умиления, возникшую в результате моей внимательности к ней.

Когда с работы по расписанию приходит жена, я незаметно достаю букет из вазы и дарю ей от себя лично. Жена ставит букет в вазу и говорит:

— Но ты уже дарил мне эти цветы.

— Ах, извини, я так закрутился, что даже забыл. Но лучше подарить один букет дважды, чем два букета ни разу.

Она соглашается, и мы втроем садимся за стол. Теща думает, глядя на букет: «Внимательный у меня зять. Пожалуйста — подарил мне цветы. А то, что он только мне подарил, так это в целях экономии».

И жена, глядя на букет, думает то же самое.

Поэтому и праздник проходит весело, непринужденно, а главное — дешево.

ТАМАДА

Первый тост — за нашу новую сотрудницу Тamarочку. Дружно взяли, хлоп! — молодцы. А вы почему, Тамарочка, не до дна? Вы, наверное, больны. Как это нет, когда не до дна. Здоровые еще просят. Сознаться, что там у вас болит? Ну, по секрету... Может, что-то кишечно-желудочное? Или желчный? Или пузырь? Я же вижу, человек ненормально себя ведет...

Вот сейчас — молодец, Тамарочка. Сейчас по-нашему. Допила. Возьмите огурчик. Хрум-хрум.

Второй тост — за наш дружный коллектив. За то,

что мы всегда отмечаем конец недели. Дружно взяли, хлоп! — молодцы. И Тamarочка молодец. Сразу видно, нормальная, здоровая девушка. Я по секрету скажу, Тamarочка. Нам одного неупотребляющего уволить пришлось. Ему из пипетки в глаз капли — и он готов. Зачем нам такой сотрудник? Не мог употреблять. Мучился. Мы его уволили, чтоб не мучился.

А сейчас можно перекурить. Дружно взяли и закурили. А вы почему не закуриваете, Тamarочка? Вообще не курите? Что с вами? Так хорошо пьете и не курите. Вы точно болеете. Скажите по секрету, что там у вас? Туберкулез? Или астма? Как это ничем не больны, если не курите? Вон здоровые все курят. Я по секрету скажу, Тamarочка. Нам одного некурящего уволить пришлось. Он задыхался от дыма, работать не мог. Мы как все закурим, он возьмет и задохнется. Мы его раз откачали, два откачали, но сколько можно? Жалко же человека — задыхается. Пришлось уволить, чтоб не мучился... Вам сигарету? Дайте Тamarочке сигарету. Тяните глубже... Кашель — это ничего, это пройдет. Сейчас я вижу: вы нормальная, здоровая девушка.

А теперь включим музыку, подвигаемся. Громкость добавьте, чтоб в ушах звенело. Вот так. А вы почему не танцуете, Тamarочка? Не любите. Так хорошо пьете, славно курите и не любите танцевать. Странно. А что вы любите? Стихи. Ну, расскажите стишок... Так, так... Громче... так... Милый стишок. Только кому он нужен? Все-таки вы больны, Тamarочка, не танцуете. Скажите, у вас ревматизм? Или плоскостопие? Или суставы? Как — почему? Со здоровыми ногами разве стихи рассказывают? Со здоровыми вон пляшут. Скажу вам по секрету, Тamarочка, нам одного нетанцующего уволить пришлось... Нет, пил, курил он великолепно, но не танцевал. Не двигался. А раз не двигался, у него обмен веществ заторможенный был. И на следующий день голова у него болела. И он мучился в условиях работы. Пришлось уво-

лить его, чтоб не мучился... Ой, молодец, Тamarочка. Заплясала. Нормальная, здоровая девушка, как все. (Хлопает в ладоши.) Прошу всех за стол. Продолжим. Тamarочка, а вы куда собираетесь? Домой? А зачем? У вас там кто-то болеет? Муж ждет. У нас у всех мужья, жены. Вы должны понять, что работа — прежде всего. Бывает, и задержаться надо. Все так все. Вы так все хорошо наловчились делать и вдруг — домой. Скажу по секрету, нам одну сотрудницу уволить пришлось. Нет, она все здорово делала, а танцевала — так прямо по потолку бегала. Но был маленький недостаток — рано уходила домой. Муж ее там ждал, переживал. Пришлось ее уволить, чтобы муж не мучился... Что вам, Тamarочка? Выпить? Правильно... Вот так... Может, еще... Вот так. Сигарету?.. Дайте ей сигарету. Музыка? Включите музыку, Тamarочка будет танцевать... Вот как! Вот как! Молодец, Тamarочка. Только не упадите... Ну, вот упали... Отнесите Тamarочку на склад, пусть отсыпается.

Теперь, надеюсь, никто не сомневается, что Тamarочка сможет работать в нашем коллективе.

Следующий тост — за здоровье Тamarочки!

РЕКС И ЕГО ДРУГ — Я

Я за модой слежу пристально. Всегда в курсе. И следую ей безоговорочно. Сейчас что модно? Собачку в квартире держать. Причем чем меньше квартира, тем больше собачка. К моей квартире подошел дог. В аккурат. По диагонали в комнате стоит.

Но если в квартире с ним проблем нет, то вот с выгуливанием — проблема! Где его гулять?

Мне повезло. Школу у нас рядом построили, а там — двор. Все собаководы его и стали использовать под выгул. Дети сначала мешались, путались у собак под ногами, а потом ушли. В подъезды. И все. Никаких забот. Кричишь Рексу: «Гуляй!» И он бежит, останавливается и бежит дальше. Зрелище красивое. Но — каждый день, каждый день. Утром и вечером. Все свободное время — псу под хвост.

Поэтому я решил усовершенствовать процесс выгула. Купил длинный поводок — сорок метров и стал опускать Рекса со своего балкона, с третьего этажа, в наш

палисадничек возле дома. Отпустил, поводок привязал к балконному перильцу и сидишь бреешься. А он бегаёт в радиусе сорока метров. Я тем временем побрился, чаю попил, потом Рекса обратно за поводок на балкон затащил — и на работу. Все хорошо. Одно плохо — тяжелое животное. Самого вниз так и тянет. Однажды утянуло. Почти. Хорошо, что бельевые веревки на балконе есть. Я зубами успел за одну схватиться и держался, пока Рекс не достиг земли.

Был и другой случай. Утром я опустил Рекса вниз на почву и хотел уже привязывать поводок, как вижу: из-за угла дома — ну, есть же такой старинный обряд — вылетает собачья свадьба. Рекс рванул, и я вывалился за борт балкона. Три этажа кончились быстро. Хорошо, что клумба у нас внизу есть. Ее специально для своих четырнадцати котов держит Клавдия Гавриловна из 17-й квартиры. Взрыхляет там, золой посыпает, чтоб выгуливать котиков. В общем, меня эта клумба спасла.

Единственная незначительная травма — это моя нижняя челюсть выдвинулась на два сантиметра вперед. Теперь у меня прикус отрицательный, как у бульдога, а у Рекса — положительный. Жена говорит: «Теперь вы с ним разной породы».

Но я смирился. Пусть прикус у меня отрицательный, но зато я модный человек.

ВСТРЕЧА С ШОПЕНОМ

Я подумал: уж если с кем-то встречаться в музыке, то лучше с Шопеном. И пошел на концерт в филармонию. Почему концерт ожидался хорошим? Во-первых, потому, что ожидался Шопен. Во-вторых, пианистка ожидалась известная. В-третьих, в зале передо мной никто не сидел, не маячил. Зал полон, а передо мной —

никого. Бывает же такое в жизни — повезет ни с того, ни с сего, а спасибо сказать некому.

Когда на сцену вышла пианистка, обаятельная, величественная и почти молодая, все сразу стихли и напряглись. Она элегантно прохаживалась по сцене на фоне открытого рояля и до того просто набрасывала творческий портрет великого композитора, что с Шопеном для меня сразу все стало ясно. Затем она объявила два ноктюрна и села за инструмент. Перед игрой ей пришлось подождать, пока не рассядутся опоздавшие. И вот тут передо мной на свободное место сел Гриша. Я сразу узнал, что это Гриша. Потому что на руке его была татуировка: «Гриша». Вид у Гриши был такой, как будто человек в поезде ехал недели две. Но я сосредоточился на Шопене. Тем более что зал уже наполнила его божественная музыка. Пианистка невидимыми нитями приковывала к себе, и образовался такой треугольник — я, Шопен и пианистка. И больше — никого. Но оказалось, что еще и — Гриша. Потому что правой рукой он начал нервно чесать свою голову, локтем разрывая все мои связи с Шопеном. Я подался корпусом влево и с трудом наладил прерванный контакт. Но и Гриша не сидел сложа руки. Вторую руку он запустил за ворот пиджака и начал яростно чесать между лопаток, кряхтя от удовольствия. Возможно, от Шопена у него пошли по телу мурашки и он снимал неприятные ощущения. Я наклонился вправо. Гриша — тоже. Чесаться он перестал, но вскинул взъерошенную голову вверх и стал изучать лепные украшения на потолке. Из его волос мне на колени выпала обгоревшая спичка. Я положил спичку на место, откуда она выпала, и нервно сместился влево. Сзади раздался чей-то недовольный выдох в мой затылок. Я замер в этом положении. Во мне все кипело и бушевало. Ни один композитор не вызвал бы во мне бурю таких сильных чувств, как этот Гриша. А он тем временем наклонился тоже влево и достал из своей хозяйственной

сумки на полу кукурузную палочку. Поужинав палочкой, Гриша секунды четыре сидел не двигаясь. Потом он наклонился к своим ботинкам. Мне самому стало интересно, что он собирается делать с ботинками на концерте. Может, они ему жмут, поэтому он вертится? Я тоже наклонился и посмотрел. Гриша подтянул носки на обеих ногах. Видимо, от музыки носки у него сползли. Только тут я заметил, что мои соседи справа и слева тоже заглядывают вниз, интересуются, что там делает Гриша. Оказывается, он не только меня заинтриговал. Тут меня тихонько тронули сзади и спросили:

— Что он там делает?

Я повернулся и ответил любопытствующей женщине:

— Носки подтягивает.

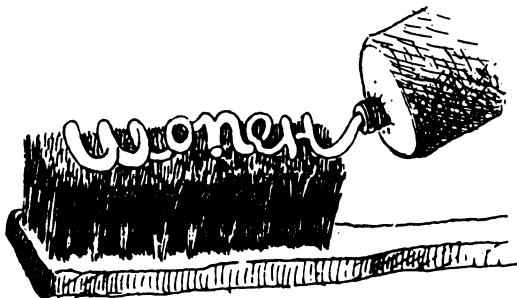
Женщина шепнула на ухо своему соседу:

— Носки подтягивает.

И новость пошла по рядам.

В перерыве ближайшие к Грише зрители поручили мне поговорить с ним. Наблюдать за Гришей, конечно, интересно, но хочется и Шопена послушать. Все-таки деньги платили за Шопена, а не за Гришу. Нашел я его в туалетной комнате. Он радостно плескался у раковины и чистил зубы.

Я подошел и сказал:

— Извините, Гриша, но зрители просят вас на концерте не вертеться. Вы же мешаете. Вам что, Шопен не нравится?

Он прополоскал рот и ответил:

— Мне что Шопен, что Пушкин — все едино. С вокзала мы, сутки поезда ждем.

Я как представил наш вокзал, так в глазах у меня потемнело, а во рту устойчивый привкус появился. Ведь на нашем вокзале можно киномассовки за 13-й век снимать. Причем без декораций, не привлекая артистов со стороны, без грима и без дополнительных костюмов.

А Гриша уже побрился и ботинки ваксой почистил. Потом он разделся по пояс и сунул загривок под струю. Он закричал и закричал, заглушая первый звонок. Потом, растираясь полотенцем, сказал:

— Ты не переживай, ухожу я сейчас. А вместо меня друг придет. Мы один билет на двоих взяли. Я выйду, а он зайдет. Друг вертеться не будет, он спокойный.

На второе отделение пришел друг Гриши. Был он в сапогах, в пиджаке на голое тело, с узлами и чемоданами через плечо.

К концу концерта я узнал, что друга Гриши зовут Коля — это по татуировке. Что на ужин он любит вареные яйца с чесноком — это по запаху. Что рост его около двух метров — это на глазок. И что храпит он во сне — это по слуху.

В РАЗГАР СЕЗОНА

654-й! Два билета в Москву, отмечаю. 655-й! В Свердловск — три, отмечаю. Все, товарищи, переключка закончена. Следующая — в три часа. Ночи. А сейчас двенадцать. Ночи. Самый раз искупаться, позаго-

рать. Под луной. Идите на море, хлебайте здоровья. Ночь — подруга отдыхающих. В разгар сезона.

...А вам что, девушка? Где пляж? Вася! Покажи девушке, где море, она с ним не знакома. Недавно приехала, только вторую неделю за обратным билетом стоит. А Вася у нас ветеран общей очереди. Третью неделю стоит. Отдыхает. Видите, какой у него ровный загар. Ни одного темного пятнышка. Весь как сметана по рубль сорок. Кличка — Лунный Вася. Вася, покажи девушке, где море. Ну, идите... Пошли... Счастливые. А мне очередь караулить... Вася, море не там, там парк.

Не слышат. Влюбленные. Повезло Васе — девушку встретил. А ведь завтра ему улетать. Если билет достанет. Разгар сезона.

...А вам что, гражданочка? Э-э-э, на переключку вы опоздали. Пропала очередь. А вам куда лететь? Вы не летите, вы за мороженым? За мороженым не здесь. У них переключка вон там, за углом. Вы на какое мороженое записались? В стаканчиках? На «в стаканчиках» переключка будет в час ночи. Народу? Народу у них всегда мало. Купите дня через два. А насчет пломбира я вам так скажу, здесь вам не Магадан, нет пломбира... Пошла. Ишь, пломбира захотела. На юге! В разгар сезона! А от бутылочки ситра не откажетесь? Из холодильника.

...А вам что, гражданин? Да это ты, Виктор! Вот так встреча. Через год на том же месте. Значит, снова сюда прилетел... Как не улетал еще? Сначала не мог, а потом прижился? А ведь я тоже с прошлого года здесь торчу. Вот так и сижу на записи. Только моя очередь подойдет — кто-нибудь с телеграммой подвернется. Уступаю свою очередь. Недорого. Тем и живу. А ты как же с работой? Сюда высылают, здесь чертишь. Эх, Виктор, все бы так, как мы, — только в один конец ездили. Разгрузили бы транспорт в разгар сезона. А что ты ночью здесь делаешь? Дышишь. Ну дыши. Пока.

...А вы что, папаша, тут ищете? Очередь? А зачем

она вам? Понятно. Чтоб взять билет без очереди. Вы кто? Участник, кавалер, мать-героиня?.. Инвалид. Понятно. Инвалиду трудней. Инвалиду просто невозможно. Что значит почему? Вы можете 656 человек от окошечка оттолкнуть, как инвалид? Не можете. А они могут. А зачем вы, папаша, вообще приехали? За здоровьем... Здоровье надо беречь по месту жительства. В разгар сезона. Папаша, папаша, не падайте, не хватайтесь за сердце. Оно вам может пригодиться. Я вам свою очередь уступлю. Недорого. Только живите. Вот ваша тросточка. Идите погуляйте. Приходите в три ночи. Будете 68-м. Сразу!

Вот наказание. Вот народ пошел. Накопят тридцать семь рублей, и прутся все на юг. В разгар сезона. Да еще удовольствий ищут. Без очереди. В разгар сезона! Вот кто раньше на юг ездил? Сплошь тузы! Мешки с деньгами. Полмешка за квартиру, полмешка — на рестораны. Свободно было, хорошо. А сейчас все лезут. Только очереди создают в разгар сезона. Надо бы им всем такой комфорт создать, чтобы каждый один раз съездил — и десять лет отдыхал после этого. По месту жительства! В разгар сезона.

КЛЕЩ — НЕ ЛЕЩ

Товарищи? В период с 1-го мая по 31 октября ходить в лес строго запрещается. Говорю вам об этом, как врач. Но могу сказать то же самое, как пожарник. Хотя я все-таки врач.

В этот период вы найдете в лесу мало хорошего. Разве что укус клеща. Они сидят везде, особенно на березах, в кустарнике, на цветах и других деревьях, доступных человеку. Вы думаете, что вы любуетесь весенним лесом? Нет! Это клещ любит вас. Вы думаете, что слушаете пение птиц и наслаждаетесь кислородом? Нет! Это ядовитое насекомое слушает, наслаждается и подстерегает на каждом шагу.

Я могу привести множество примеров неосторожности граждан, которые сходили в лес. Один товарищ принес из леса веточку сирени с целью подарить цветы любимой девушке. Вы думаете, он подарил ей цветы? Да, цветы, но с кем? Пока он вез эту веточку в троллейбусе, насекомое клещ перекусало всех пассажиров, даже безбилетных, и снова спряталось в цветочке. Этот гражданин привез цветы своей девушке. Укуса не произошло только потому, что эта девушка сначала обработала цветы дустом и только потом их понюхала.

Но допустим, что вам все-таки надо в лес. По работе. Например, поймать зайца для зооуголка. Тогда вы должны соответствующим образом одеться.

В продаже есть водолазные костюмы. Да, летом в них жарко. Особенно если гнаться за зайцами. Но зато безопасно. Заяц и вы останетесь невредимыми. Можно одеться в плащ-палатку, резиновые сапоги и противогаз.

Да, запахов леса вы не услышите, зато вернетесь оттуда непокусанными.

Допустим, что вы все же вернулись из леса. Надо дома полностью снять с себя водолазный и другие

костюмы и дать осмотреть себя своим домашним. Если вы живете один, но с соседями — попросите соседей.

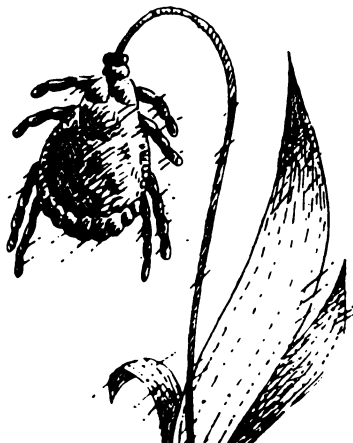
Допустим, вы обнаружили на себе укус. Надо осторожно отцепить насекомое, чтобы не причинить ему боли. Иначе оно разозлится — и будет хуже. Насекомых следует складывать в специальную коробочку и хранить.

Допустим, вы все-таки заболели от укуса. Тогда надо немедленно обратиться к врачу.

Допустим, вы обратились, но уже поздно. Врач не принимает. Тогда надо обратиться на следующий день с утра.

Допустим, врачу не удалось вас вылечить, а все прошло само. Тогда тем более ни в коем случае не ходите в лес. Там вас на каждом грибе подстерегают различные вредные насекомые. Да и грибы вас подстерегают только ядовитые, а также хищники, опасные для здоровья людей. И особенно — клещи.

**КОГДА ИДУТ КЛЕШИ —
БЕГИ И ТРЕПЕШИ!**

ПЛОДОВО-ЯГОДНЫЙ РОМАН

Пролог

Палило солнце. А где-то хлестал дождь.

Глава I

Ох и плодородна Кубань! Уж если здесь родятся помидоры, то — колдуны, если огурцы, то — дьяволы, а если колорадские жуки, то — подлцы.

Первой на Кубани поспевают черешня, потом вишня и только потом гусеницы. Огромные поспевшие яблоки и груши так сыплются по ночам, что земля гудит. Сливы, абрикосы и алыча осыпаются молча. А когда поспевают виноград — гудят кубанские станицы. Спешат жители на свои виноградники, а если нет своих — спешат на совхозные. И как не спешить? Перезреет ягода — будет вкус.

А вот картошка на Кубани не поспевают никогда. Потому что колорадский жук — понятие многочисленное. На два ведра посаженной картошки собирают пять ведер колорадского жука. И одно ведро картошки. Отрицательная урожайность на картошку. А жук родится добрый.

Зато на Урале совсем другая жизнь. Ничего здесь не поспевают раньше зимы, и только картошка родится раньше. Да такая крупная, как крокодилово яйцо. Лежит такое яйцо на полесе — душа радуется. Будто только что крокодилица снеслась и убежала в лес, громко кудахтая. Добрая картошка.

Глава II

Кубанские ребяташки из станицы Веселовская со смехом бросались друг в друга гранатами образца 89-го

года. Их в этом году много уродилось, гранатов. Жилистый ружий кубанец отругал своего сына:

— Что ж ты неспелыми кидаешься, задери тебя козел. Они ж твердые. Поспеет — кидай, а зеленые не тронь. Вон сколько спелых гниет.

Кубанец пошел дальше, задавать корм скотине. Корова настороженно подошла к ведру и понюхала сверху гроздь винограда «кардинал». Она нехотя откусила одну ягоду, покатила ее за щеками и сплюнула на землю.

Другое дело — свинья. Эта не брезговала ничем — ни грушами, ни дынями, ни персиками. Особенно любила хрумкать хурмой. Хозяин красиво сервировал корыто свиньи аккуратными ломтями арбузов, а сверху посыпал все очищенными грецкими орехами.

Кроликам он сыпанул ведра четыре еды попроще: антоновки и белого налива. Не князья, съедят.

Накормив скотину, хозяин гаркнул вежливо своему сыну:

— А ну тикай до хаты. Обедать будем.

На обед была картошка. Одна. Она лежала на дне кастрюльки, небольшой клубенок, и вкусно пускала струйку пара вверх. Хозяин-кубанец достал клубень пинцетом и, вооружившись лупой, разрезал клубень ножом на три равные части — себе, жене, сыну. Последний проглотил слюнки и даже не заметил, как с ними проскочила и его персональная долька картофеля.

Глава III

А в селе Каменные Культяпки на Урале шел летний теплый град. Величиной с голубиное яйцо.

Хозяйские мальчишки сидели в сарае на мешках с картошкой и вслух читали сказки. За перегородкой сарая мирно хрумкали картошкой корова-мать, корова-дочь и корова-отец. «Невольница царя черкешенка съела

спелую черешенку», — читал старший. Младший спросил его:

— А что такое черешенка?

Ребята задумались. Раздумья прервала мать:

— А ну, пострелы, марш за стол, картошка стынет.

Ребята с гиканьем бросились в избу. За обедом младшенький спросил:

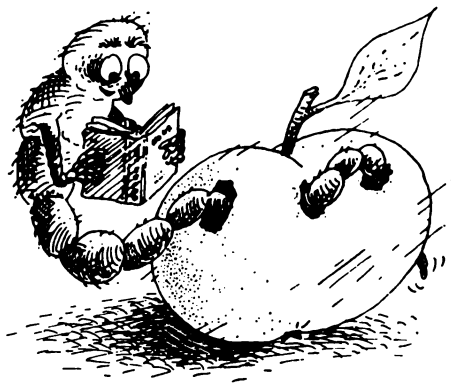
— Мам, а что такое черешенка?

Мать ответила:

— Это, должно быть, ягода такая. Но к нам ее не завозят.

Эпилог

Осенью в станицу Веселовскую на Кубани и в село Каменные Культяпки на Урале пришла «радость». В Веселовскую поступил состав с яблоками из Кишинева, а в Культяпки — состав с картошкой из Улан-Удэ.

ДО ЧЕГО ЖЕ МЫ РАЗНЫЕ

Как плохо быть высоким и широким. Как плохо быть большим и длинным. Как плохо, когда на костюм тебе надо не два с половиной метра габардина, а три с половиной, а на завтрак тебе надо не три с половиной яйца, а восемнадцать и с колбасой. И на все на это — тот же оклад инженера. Точь-в-точь, как у Поросяткина, который в два раза меньше и в три раза легче меня. Он восемнадцать граммов сбросил — все заметили и поздравили его со стройностью и красотой. А я свой личный пуд сбросил — никто не заметил, но все поздравили и сказали: молодец, поправился.

Поросяткин измеряется своим ростом, а я измеряюсь высотой над уровнем моря и шириной по уровню стола. Поросяткин в автобусе — желанный пассажир, товарищ, гражданин, молодой человек, а меня зовут «скала на полтора кубометра».

И не говорите мне, что девушки проще влюбляются в больших и высоких и сложнее — в маленьких и худых. Нет, они любят всяких, главное, чтоб с мужским именем, например, Женя, Шура или Валя. А маленьких они любят даже больше. Ведь зарплата того же Поросяткина в переводе на один килограмм его живого веса в три раза выше, чем у меня. Так кого же девушки вперед любят, его с бутылкой коньяка и с баночкой икры или меня с рюмкой пива и шестью мисками супа? Его — вперед, меня — позже.

Совершенно ясно, что маленьким и худым экономически выгоднее. Естественный отбор идет в их пользу.

А я страдаю. Концы с концами не могу свести из-за своих габаритов. Зато Поросяткин, подлец, интенсивно кладет на книжку. И мне обидно. Два совершенно разных человека, я и Поросяткин, в день полочки — близнецы. Перед лицом ведомости мы абсолютно одинако-

вые. Только он смеется, а я плачу. В день полочки. Перед лицом ведомости.

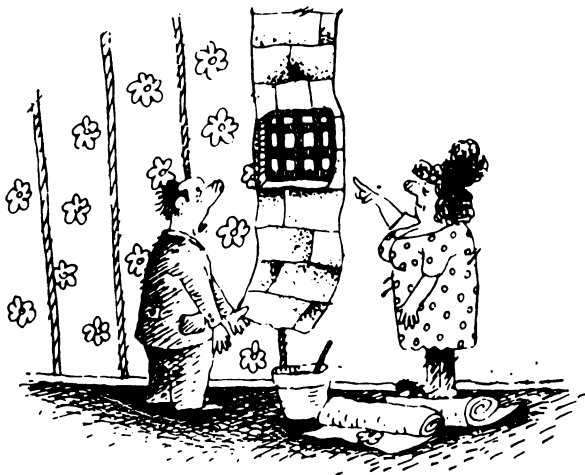
Зато когда я прихожу домой, то начинаю смеяться. Над Поросяткиным. Получили-то мы с ним одинаково, но ведь он всю работу в отделе тащит. Он неофициальный лидер, а я официальный балласт. Но меня это не касается! Положено поровну — и все! Так что все нормально. Вот только с габаритами не повезло. Но бог с ними. Зато удовлетворен морально.

Но если, не дай бог, инженерам начнут платить в зависимости от вложенного труда, что же мне делать? Ведь тогда, чего доброго, работать придется...

ПУСТЬ...

- Маша, завтра меня забирают.
- Куда, на повышение?
- В милицию. Все, доигрались.
- Какой ужас!
- Маша, будет конфискация. Действуй так. Мебель продай, оставь половик, циновку и железную койку.
- Где я возьму койку?
- Возле школы, в металлоломе. Попроси пионеров, они помогут. Заплати им, они тимуровцы. Установи койку в квартире, пусть конфискуют.
- А где взять половик и циновку?
- У тети Любы. Ей отвези весь хрусталь. Купи два граненых стакана — пусть конфискуют.
- А куда пуделя?
- К тете Моте. Вместо него купи хомячка за рубль двадцать, пусть конфискуют.

- А куда картины, куда подлинники?
- Рафаэля отнеси к тете Кате. Вместо него купи картину в художественном салоне. С прорабом в сапогах.
- Которую?
- Ну, на которой сапоги как живые. Повесь на стенку, пусть конфискуют.
- А натюрморт? Твой любимый натюрморт?
- Какой?
- Ну, где нарисованы два талона на колбасу.
- Маша, талоны вырежь и съешь. Они вкуснее нынешней колбасы.
- А книги, книги куда?
- Художественную литературу спрячь. На полках оставь наших романистов образца до 85-го года. Пусть конфискуют... Так. С нашими машиной, дачей и гаражом у нас все в порядке — они не наши... Беги и действуй!
- Милый, как мне хорошо с тобой и спокойно.
- А ты как думала?

КНИГОЛЮБ

У кого-то хобби, а у меня — страсть. Страсть к книжкам. Я книголюб. И вот когда холодно или не везет в любви, я обращаюсь к своим друзьям — книгам. У меня библиотека во всю стену. На первой полке — классика. Достая любимый томик, читаю название: «Сберегательная книжка», том первый. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: расход, приход, остаток. 8-й том — заключительный. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: приход, расход, остаток. Великое произведение.

Мещан презираю. Тратят деньги на барахло. Зачем? Грабят себя духовно. У меня одна страсть — книжки.

Они учат меня жить. В них все ответы на все вопросы. Классика есть классика.

На второй полке у меня беллетристика. Читиво. Полное собрание моих трудовых книжек. Семь томов. На улице туман, в комнате камин. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки. Из трудовых книжек. Том первый, страница вторая, запись первая. Цитирую: «Закончил политехнический, инженер-механик, место работы — киоск «Пепси-кола». Смешное место. Масса впечатлений. «Пепси-кола». Лучше не скажешь.

Том второй, страница третья, запись восемнадцатая, цитирую: «Принят в пункт приема стеклотары». Запись девятнадцатая: «Принят в пункт приема макулатуры». Золотые дни. Мудрые строки. Лучше не скажешь.

Не люблю том пятый, запись сороковая. Роковая. Январь — уволен... и только через три года: январь — принят обратно. Три года — провал. Но жизнь есть жизнь.

На третьей полке у меня — промышленность и транспорт. Но больше транспорт. Технические паспорта на мои транспортные средства. Четырехтомник. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки. Том первый, техпаспорт «Жигули» ВАЗ-2106, номер кузова, номер двигателя, цвет — белый. Великие строки, глубокие мысли. Лучше не скажешь. Том второй — «Волга» ГАЗ-24. Техпаспорт. Смешная, добрая, нужная книжка.

Дальше на полке — пять книжек в красной обложке. Собрание моих водительских удостоверений. Права! Выменял у одного книголюбца на классику. На мою классику.

Говорят, прав тот, у кого больше прав. У меня 5 «прав». Ездить можно. Я не знаю, как люди с одними «правами» ездят. Когда они одни — это уже не права, это обязанности.

На четвертой полке у меня справочная литература. В хронологическом порядке. Например, хочу узнать,

что со мной было в 78-м году. Достāju книжечку за 78-й год, том четвертый из собрания свидетельств о браках. Читаю: Архипова Надежда Ивановна, жена. Если хочу узнать, были ли от нее дети, обращаюсь к собранию свидетельств о рождениях. Том шестой — сын Андрей, 79-го года рождения. Уже большой мальчик. А что с Надеждой Ивановной? Том четвертый, из собрания свидетельств о разводах. Все правильно, развелись. Ушла сама, бросила. С собой захватила лишь сына Андрея. Странная женщина. Она же полбиблиотеки могла у меня отсудить. Не захотела. Гордая. Да просто не любит литературу! Мещанка. Сроду книг не читала.

На пятой полке — разная литература: членский билет общества Красного Креста, билет «Друг зеленого друга», билет «Враг зеленого змия». Эти книжки я редко читаю. Там же — комсомольский билет. Один. Как я сам. Том первый, и он же последний. Я помню, тогда в школе всем нам выдали билеты, и все были какие-то радостные.

А из школьного окна был виден зеленый ковер стадиона. Там бежал жеребенок. Он мягко ступал копытцами в траву и встревоженно ржал. Мать потерял, что ли? А рядом со мной за партой сидела девочка. Я ей нравился. Она затаенно поглядывала на меня... Какая чепуха!

Обращаюсь к классике. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: расход, приход, остаток..

**ХОТЬ
РАЗОРВИСЬ!**

МЯУ!

Какая кошка не мечтает выйти замуж. Мурка мечтала об этом с детства. Замуж не вышла, но котят родила. Пять штук. Эта ночь, конечно, была хлопотной. Рожать не делать. Утром усталая Мурка вышла из подъезда на улицу. Народу во дворе было много. Из-под кустов и из подвалов разбредались по домам уставшие коты и кошки. Пожилая Матильда покачала головой:

— Вот молодежь! Что хотят, то и делают. А хотят многого.— Потом спросила у Мурки:— А у тебя как дела?

— Родила,— ответила Мурка.

— Бывает,— сказала Матильда и поймала пролетающую стрекозу. Попробовала на зуб и сплюнула.— И как они ее едят? Вот в наше время была стрекозятина.

Потом спросила:

— А мужик-то есть у тебя?

— Да есть один,— ответила Мурка,— найти бы только.

Из подвала вышел кот Рыжик, весь в золе и паутине. Ночь и для него была нелегкой. Чердак, подвал, конкуренция. Увидев Мурку, он хотел юркнуть обратно в подвал, но Мурка пригвоздила его фразой:

— Мяу!

Увидев, что Мурка построилась за ночь, Рыжик совсем взгрустнул. «Сейчас начнется»,— подумал он.

— Куда же ты!— сказала Мурка.— А говорил, любишь.

— Мда-а,— сладко потянулся Рыжик,— интересная штука жизнь: молодость, любовь, материнство.

— И отцовство,— подсказала Мурка.

— Чье отцовство?— прикинулся Рыжик.

— Твое.

— А-а, вон ты в каком смысле. Ну, это как сказать. Пойдем, глянем на потомство.

Дверь открыла хозяйка Мурки. Она хотела запустить в Рыжика тапком, но сжалилась. И запустила сапогом. «Ох, и злющая будет теща», — подумал Рыжик.

Почесывая больное место, Рыжик внимательно оглядел своих детей.

— А чего они все разные? — возмутился он. — Только один всего и рыжий.

— Генетика, — настороженно улыбнулась Мурка, — в бабушек, в дедушек...

— Ты про генетику теще расскажи, а мне не надо. Вот одного признаю, мой. Не откажусь. На пару мышей в месяц можешь рассчитывать. — И Рыжик ушел по-английски — в форточку.

«Как жить?» — подумала Мурка и стала перебирать в памяти вероятных отцов своих детей.

Тогда, в марте, пришлось крутиться, как белке в колесе. «Всех и не упомнишь», — вздохнула она.

Был Пушок. Но, говорят, подался на Север. Был Мурзик. Но он чуть не погиб под детским велосипедом. Какие алименты с пенсии? Был Пупсик. Сидит за драку на чердаке. Кто же еще? Да нет, не может быть, чтоб больше никого.

А, да, был Эдуард. Шикарный кот в жилетке. Но у него хозяин — зверь. Утопит вместе с котятами.

Кто же еще? А, совсем забыла. Был же еще Серега. Сергей. Все его звали Серый. Это был всем котам парень!

Они познакомились на роскошной помойке возле одного руководящего учреждения. Не помойка, а вкуснятина. Серый никого не подпускал. А Мурку пригласил. Он угощал ее копченой колбасой, икрой и такой невиданной рыбой, что Мурка полюбила его раз и навсегда. Мурка смотрела на небоскреб учреждения и думала: «Если они это выбрасывают, то что же они едят?» Мимо сновали большие черные лимузины, и Серый сказал:

— Счастье — это умереть под их колесами.

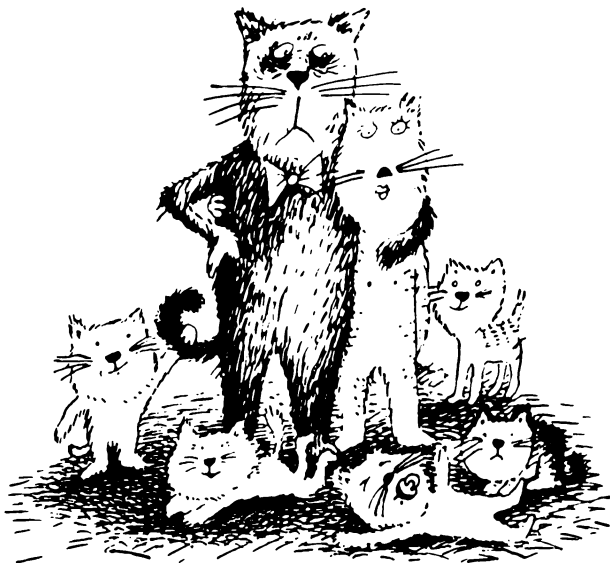
Мурке не хотелось такого счастья. И она предложила:

— Давай куда-нибудь сходим.

И они пошли в подвал. Там выступал клуб самодеятельной кошачьей песни. Как они пели! На восемнадцать голосов. Потом выступали рокеры. А запевал один гладкошерстный кот на чистом сиамском языке.

Публика была предельно экстравагантна. Но Серый выглядел лучше всех. Его шкура имела серый цвет с белыми пятнами. Еще в молодости какая-то бабка плеснула на него ведро негашеной извести. После этого он стал законодателем мод в городе.

Потом Серый вошел в инцидент с огромным сибирским котом. Тот слишком внимательно понюхал Мурку. И Серый сказал коротко:

— Пойдем выйдем.

Серый так отделал сибирского, что тот стал кричать:

— Зачем же так сильно?

На что Серый отвечал:

— Сердцу не прикажешь.

Когда сибирский кот убежал, Серый с пылу и с жару потребовал:

— Дайте мне уссурийского тигра! Я разорву его в клочья.

И Мурка поверила. В таком состоянии разорвет.

Потом на личном чердаке Серого Мурка пробовала валерьянку и авиационный бензин. И так тащилась, так тащилась, что больше ничего не запомнила. Правда, один штришок ей припомнился. Серый после валерьянки сказал ей, что его приглашает в свою труппу сам клоун Куклачев. Мурка встрепенулась. Ведь это — гастроли, чеки, иены и множество фунтов стерлингов. Вот кого надо обложить алиментами! Серый, только Серый достоин называться отцом ее детей.

...Мурка второпях покормила детей грудью и бросилась за письменный стол. В Москве, в подвале прокуратуры, жила ее родная тетка. И Мурка написала ей гневное письмо матери-одиночки. Она просила тетку найти Серого у Куклачева и пригрозить коту прокуратурой. А если Серый откажется от детей, пусть на них шлет алименты сам Куклачев.

Кот Серый оказался порядочным человеком. От него вскоре пришла телеграмма: «Вышел из Москвы пешком рейсом первым. Жди по месту жительства. Твой Серый».

Мурка засуетилась по хозяйству. Да и как не засуетишься, когда только двое из пяти детей смахивали на Серого. А Рыжий, Черный и Белый не смахивали. Мурка быстро рассортировала потомство. Компрометирующих ее честь она спрятала в ванной.

Рейс первый, которым шел пешком Серый, прибыл

без задержек. Серый с порога бросился к корзине с двумя серыми котятами, обнюхал их и смахнул лапкой слезу счастья.

Хозяйка Мурки замахнулась сапогом на Серого, но, увидев, в каком он душевном состоянии, надела сапог на ногу и ушла на улицу. Дети Серому в целом понравились. Два серых сына. Правда, на следующий день из ванной вылезли Рыжий, Белый и Черный — три сестры. Скрипя зубами, Серый тут же не только усыновил их, но даже удочерил.

Началась счастливая семейная жизнь.

Но как только пришел месяц март, Мурка стала раздражительной и рассеянной.

Поздно вечером, когда Серый спал в окружении пятерых детей, Мурка наспех привела себя в порядок методом вылизывания. Потом она подошла к своей счастливой семье, глубоко вздохнула и прошептала:

— Ну какого черта мне еще надо!

И тихонько исчезла в форточку.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Женился я по любви. Ни жену, ни меня приданое не отягощало. До свадьбы жили мы с ней примерно в равных экономических условиях: у ее родителей квартира, и у моих родителей — квартира; у нее образование, и у меня — образование; у нее не было мужа, и у меня не было жены. И вообще многое в нашем раздельном быту совпадало.

Познакомились мы с ней на почве искусства и на этой же почве, возле филармонии, стали назначать последующие свидания. Количество встреч перешло в качество, и мы зарегистрировали брак.

На свадьбе равновесие материальных сил сохранялось, после свадьбы тоже. Любовь усиливалась, взаимопонимание росло. Но в самый разгар обоюдного чувства ее родители ударили по любви неосторожной покупкой — приобрели автомобиль «Волга». Теперь получалось: Ольга с «Волгой», а Владик — с окладиком. Это я Владик.

Я напруг силы и продолжал любить Ольгу. Но через полгода ее родители купили дачу. Мой приятель сказал: — Ну, ты хитер, старик! И как только заранее разведал про кредитоспособность тещи? Ведь твоя Ольга единственная наследница.

Я по-прежнему крепился. По утрам смотрел на спящую жену, как на цветок, но иногда этот цветок в мыслях переносился на дачную грядку, возле которой стояла белая «Волга».

Окончательно меня свалило последнее событие. Тесть с тещей смогли обменять свою свердловскую квартиру на домик в Крыму у моря. И — все. Я разлюбил. Я забыл свою старую бескорыстную любовь, зато новая сжимает мне горло.

Сейчас я люблю жену по расчету.

КАК ПОГОДА?

Алло, Зина?.. Ну что мы с тобой о погоде да о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас... погода?.. Сколько обещали?.. Плюс шесть. А сколько дали?.. Шесть и дали. А нам плюс десять обещали, а дали только пять... Да... Пять градусов дали, а пять недодали. Я тоже думаю, додадут, раз обещали... Но мы и так привыкли. Сейчас и плюс пять теплыми кажутся. Да... А плюс шесть вообще бы счастье было. Я помню, как-то плюс десять обещали, а дали ноль. А потом по градусу добавлять стали: один, два, три. Так нам пять полным счастьем показались. Да. Ну прохладно, так не смертельно же.

Ну ладно, хватит о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас погода? Нормальная? Ну и хорошо.

Алло, Зина, я что звоню-то, когда мы с тобой в загс пойдем? Да. А то мама плачет и говорит, доведет она тебя до алиментов и бросит. Не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама говорит, кому ты будешь потом нужен. Да. Она вообще говорит, не встретиться вам с Зиной. Мол, Зина на передовом предприятии работает, а я — на отстающем. Говорит, невеста мне нужна с родного, отстающего. Но мы обязательно встретимся, правда? Давай я к тебе приеду и подадим заявление. Когда я приеду? У вас какой день? Вторник. Быстро вы до вторника дожили. А нам до вторника далеко. У нас только пятница. Почему? Так назначили, сказали, пока план не дадим, будут идти пятницы. Да, всего будет семь пятниц. С 30-го по 37-е число. Да нет, с 30-го по 37-е этого месяца. Этого, да. Как зачем нужно? План-то надо выполнять. Мы же сначала отчитываемся, а потом работаем. Отчитался о проделанной работе — будь добр ее выполни. Во-от. Так, может, я в среду к тебе приеду, и сразу в загс? В какую среду? Ну, которая в субботу будет. У нас же субботу перенесли на вторник, а вместо четверга будет пятница, вот я в среду к тебе и приеду.

Алло, Зина, ты меня до среды не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама плачет.

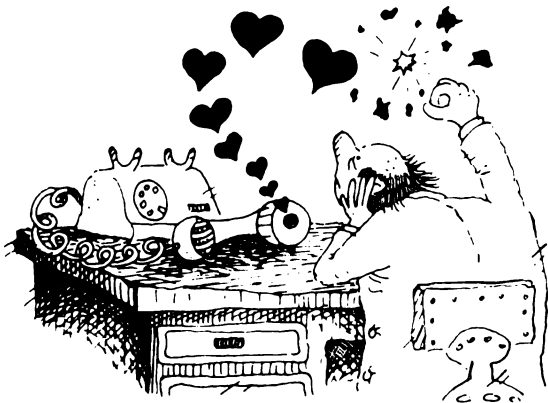
Только ты меня встречай, я вечером приеду. Во сколько? А у вас сейчас сколько? Час ночи. И у нас бы час ночи был, да план за день еще не дали. У нас пока 23 часа 120 минут вечера. А нет, подожди, только что объявили 25 часов ровно. А я приеду в 27 ноль-ноль. Поезд отходит в среду ровно в 27. По четным. Но его отменили и назначили по нечетным.

Алло, Зина, ты до 27 ноль-ноль меня не бросишь? Не бросай меня, а то мама плачет. По четным...

Алло, Зина, а может, ты ко мне приедешь? Когда? Ну, приезжай на праздники в Новый год... Нет, мы еще не встречали. А вы уже встретили? Ну ты приезжай, еще раз встретим.

Алло, Зина, ты меня еще не бросила? Ты только трубку бросила? Трубку бросай, а меня нет. Мы догоним вас, и сразу — в загс. Алло, Зина?.. Трубку бросила.

Права мама. Не встретиться нам с Зиной. Надо искать невесту на родном предприятии.

БЕЗРАЗМЕРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Когда я женился, то не спросил у супруги размер ее одежды. А зря. Самый ходовой размер оказался. И началось. Что ни праздник, то одно наказание. Не могу в подарок ей купить ничего подходящего. Размер ходовой — нету. Да ей еще и надо не простое платье, а только самое модное, красивое и обязательно ее размера. А где я такое платье найду? Пошли скандалы, скандалы, а потом — развод.

Тихо разошлись, по любви. Она — по любви к одежде, я — к спокойствию.

Отдохнул я пару лет, думаю, пора снова жениться. Но теперь меня не проведешь. Главное в невесте — размер. Чтоб неходовой. Пошел в магазин выбирать платье. Куплю модное платье, уж потом к нему жену подберу. Это легче, чем к жене подбирать платье.

Пришел в магазин, на размеры не смотрю, смотрю на качество платьев. В самом конце отдела — сплошь красота. Спрашиваю у продавщицы:

— Они всегда бывают?

— Они — всегда! Неходовой размер.

Выбираю самое модное, самое красивое, приношу домой. Развернул, задумался. 60-й размер. Невеста ожидается крупной. Зато семья будет крепкой. Хорошие подарки жене буду дарить. Модные, красивые. Взял платье, примерил к дверному косяку. Как раз. Пройдет. Бочком. Без пальто.

На следующий день побрился, выпил, пошел невесту искать. Гляжу по сторонам — моего размера не попадается. Ходовой размер идет, моего нету. Обидно. Платье уже купил, деньги вложены в мероприятие.

Решил в газету объявление дать. Требуется невеста 60-го размера под такое-то и такое-то платье. Отдаленные размеры не предлагать. Дал телефон. Ну, думаю, сейчас повалят. Две недели ждал — ни одного звонка!

А потом — как обрушились! Как где-то прорвало. Идут и идут. Все 60-го размера. Я на них платье примеряю. Всем в аккурат. Но люди они все разные. А хочется, чтобы и человек хороший был. И вот приходит одна — скро-о-омная, хорошая, с косичками. Размер? 60-й! На мою первую жену смахивает. Говорит, я по объявлению. Я тебя узнала, это, значит, ты объявление дал?

Фу ты! Это ж моя бывшая жена и есть. А ты что, говорю, женихов ищешь? Ищу, отвечает.

— А что это тебя так разбарабанило?

— В объявлении такие требовались. Я три недели готовилась к визиту, вес набирала. Кушала, спала, штангой занималась.

— А если б я сороковой размер указал?

— Похудела бы.

— Ну что ж,— говорю,— раз пришла, то давай поженемся. Но это... чтоб претензий к нарядам не было. Что принес, то и принес. Главное, чтоб красиво и модно.

Поженились мы с ней. Сейчас мир в доме. Подарки ей покупаю. В «Детском мире» — сарафанчик: она ху-

деет. В «Богатыре» — платьишко: она полнеет. Главное — чтоб модно. Она, как увидит очередную покупку, на глазах меняется. Две-три недели — и одежда в аккурат. Никаких проблем. Ни у меня, ни у нее. Всего две проблемы осталось. Первая — ноги. Ее ноги. Размер — 37 с половиной, ни туда ни сюда. Вторая проблема — ее голова. 57 — в любую погоду. Наденет сарафанчик, 38-й размер, чудо, а голова шире плеч...

Сейчас я работаю над проблемами. Думаю, что решу их. Причем раньше, чем наши швейные объединения.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

— Почему ты все еще не покормила ребенка? Ведь ты же мать.

— А ты отец.

— И почему у нас такой беспорядок? Ведь ты же хозяйка.

— А ты хозяин.

— И почему рубашка у меня не поглажена? Ведь ты же женщина.

— А ты мужчина.

— И почему до сих пор не готов ужин? Ведь у тебя есть муж, ребенок.

— А у тебя — жена, ребенок. И вообще, из чего я буду готовить? Ты не купил продукты. Ведь ты же мужчина.

— А ты женщина.

— И почему гардина у нас держится не на 4, а на одном гвозде? Ведь ты же хозяин.

— А ты хозяйка.

— И почему наш сын во дворе только дерется и еще раз дерется? А не играет на скрипке. Почему? Ведь ты же отец.

— А ты мать.

— Ты думаешь, он сидит в своей комнате и делает уроки? Как бы не так. Он делает не уроки. А уроки он не делает. Эй, Вова, сейчас же садись за уроки. Ведь ты же школьник.

(Из-за двери): — А ты продавец.

— Ты видишь, он огрызается. И обзывает меня продавцом.

— А ты и есть продавец. Ты самый настоящий продавец.

— Я работница торговли. И не смей меня обзывать... А сам-то, сам-то. Ты же инженер. Самый настоящий, ярко выраженный, ничем не прикрытый инженер. Ха-ха-ха. Инженер, инженер, инженер.

— Я не инженер. Я старший инженер. И экономист. Я старший экономист. Понимаешь, старший, я — старший. А ты продавец. Младший. Вот такой, маленький. А я — старший. Вот такой, большой.

— Ты старший? Да хоть главный, все равно инженер. А я — продавец. Пусть младший, все равно продавец. Я работница торговли! Я принц, а ты — нищий.

(Из-за двери): — Ты, мать, продавец. А ты, отец, инженер. И не спорьте.

— Ты видишь, он огрызается. Скажи ему что-нибудь. По-мужски.

— Вова! Сейчас же перестань огрызаться. Ведь ты же пионер. Всем ребятам пример.

(Из-за двери): — А ты член профсоюза.

— Я кому говорю, перестань сейчас же. Как отец говорю.

(Из-за двери): — Не перестану. Как сын говорю. Инженер, инженер, инженер. С продавцом, с продавцом, с продавцом.

— Вот видишь. Это твой сын.

— А твое воспитание.

— А сын твой.

- А воспитание твое.
— Ведь ты же мужчина.
— А ты женщина.
— А ты отец.
— А ты мать.
— Ты муж мне или не муж?
— А ты жена мне или... кто?
— Тогда разведемся.
— Хорошо. Прекрасно. (Кричит за дверь.) Вова, мы уходим с тобой от мамы. Она нам надоела.
(Кричит за дверь):— Вова, мы останемся. Это папа нам надоел. Мы его выгоняем. Навсегда.
(Из-за двери):— Расходитесь на все четыре стороны. Я остаюсь здесь.
— Он нас выгоняет. До чего ты довел ребенка. Ведь ты отец.
— Я отец. А ты мать.
— Я мать...
— А я отец...
— Так ты отец?
— Я?.. Отец. Конечно, я отец. Я же отец, черт возьми. Или не отец? Я его сейчас буду воспитывать, я за него возьмусь наконец.

— Правильно, возьми за него. А я его покормлю, приласкаю. Ладно? А ты шлепни. Ладно?

— Ладно. Только я сначала гардину прибью. А то болтается на одном гвозде. Я же хозяин, в конце концов.

— А я хозяйка. Рубашку тебе поглажу. Ладно?

— Ладно. А потом я за продуктами схожу. Я мужчина.

— А я женщина. Наведу порядок в квартире. Ладно?

— Ладно. А что, правда, я для тебя всего лишь инженер?

— Ну что ты. Ты — старший инженер. Самый старший инженер в мире. А я правда для тебя продавец?

— Ну что ты? Ты самая лучшая работница торговли. Ты отличница торговли. Ты мой торговенький работничек. Ты принцесса торговли. Ты стюардесса.

(С надеждой):— Я — стюардесса?

— Да. Ты стюардесса торгового зала. Ты лицо торговли. При чем красивое.

— А ты... а ты... звезда.

(С надеждой):— Я звезда?

— Конечно, ты звезда. Ты старшая звезда завода. Без тебя все сгорит.

— А Вовка наш кто?

— Вовка гений. Он вундеркинд.

— Да, да. Пусть он не играет на скрипке, зато как он играет на нервах!

— Конечно! У него сильный характер.

— И огромная воля... к победе. Он победит.

— Кого?

— Партнера. По рингу. Когда вырастет.

— Надо его похвалить.

— Обязательно надо похвалить. А за что?

— Не за что. Но похвалить надо. Их надо хвалить.

— А мы придумаем и похвалим. Вова, мы идем тебя хвалить.

СВАДЬБА С РЕЖИССЕРОМ

Лично я за то, чтобы у каждой женщины было много свадеб. Чем больше, тем лучше. Пусть у них будут свадьбы деревянные, оловянные, золотые. Главное, чтоб все они были железобетонные. По прочности. И особенно — самая первая.

Когда я замуж шла, об этом не думала. По любви шла за Костика. Нервов он, конечно, мне много попортил, но довела-таки я его до сельсовета — расписались мы с ним.

А чем все кончилось? Прожили мы с Костиком душа в душу всего три часа. А на четвертом часу совместного проживания Костик нашу свадьбу вынужден был покинуть. Уже неделю у нас медовый месяц идет, а Костика нет. Не принимает он участия в медовом месяце.

А как начиналось все хорошо да ладно! На помолвке родители Костика предложили свадьбу безалкогольную делать. Они интеллигенты — в конторе оба сидят. А мои — наотрез, нет, говорят, свадьбу будем играть русскую. Они у меня на ферме оба. Сошлись наши родители на полубезалкогольной. Это, значит, по две бутылки на человека — и ни грамма больше. Чтоб все трезвые были. Ну, папанька мой потом пару фляг бражки приготовил, на всякий случай. Это если кому не хватит двух бутылок. В общем, полубезалкогольная. Так и объявили по поселку. Тут заволновались гости приглашенные. Дед Самарин так и сказал:

— Я не знаю, что это за свадьба с таким мудреным названием — полубезалкогольная, но и подарок я буду в таком разе брать тоже... полунедорогой.

Тетка Матрена его пристыдила:

— Ты, старый дед, родственник как-никак, а такие речи ведешь. А вдруг тебе там и напиток и нахлебаться хватит?

Дед говорит:

— А может быть, ты и права, Матрена. В таком разе надо два подарка брать — подороже и подешевле. Чтобы, значит, в случае чего, как оно там будет вытанцовываться, дак тот и дарить, который по цене соответствует.

Слухи о нашей полубезалкогольной свадьбе до города докатились. Но об этом мы позже узнали.

Расписались мы. После сельсовета шла я в столовую с Костиком, ног под собой не чуяла, только пульс в пятках стучал. Сердце мое девичье в радости купалось, как сосиска в парном молоке. Во всем теле гормоны играли, как пескари на икромете.

Но когда к столовой автобус подрулил с надписью: «Телевидение», все во мне замерло, а гормоны остановились как вкопанные. Из автобуса толстячок в кепке выскочил, говорит:

— Я режиссер. Это у вас свадьба безалкогольная? Папанька мой ему сразу объяснил:

— Если вы к нам на свадьбу, то просим гостем быть. А насчет безалкогольной — не обижайте. У нас тут не Америка какая и не Антарктида. Свадьба у нас полубезалкогольная.

Режиссер за кепку дернул и говорит:

— Ага, все ясно. Значит полвечера — безалкогольная, а полвечера — обычная. Нас это устраивает. Будем снимать. Первую половину.

Пока наши гости за столом рассаживались, эти с телевидения проводами все опутали, фары в глаза всем направили, алкоголь со стола заставили в подсобку убрать, а режиссер скомандовал:

— Мотор! Пошел первый тост. Снимаем!

Из-за стола ихний подсадной паренек встал, я его первый раз видела, и начал:

— Я, как представитель района, могу сказать, что знаю Глашу и Константина много лет. Хорошая девушка Глаша, безотказная.

Костик на меня глаз ревнивый косить начал. Мол, откуда это он тебя знает? Да еще что безотказная. А я слова не могу вымолвить от стыда — первый раз паренька вижу. А он уже тост оглашает:

— Выпьем за молодую безалкогольную семью — светлое будущее нашего грядущего завтра и послезавтра.

Режиссер кричит:

— Крупный план лимонада! Все пьют, улыбаются, крикают от удовольствия.

После лимонада у деда Самарина крик наружу вырвался:

— Горько!

Режиссер на него ногами затопал:

— Отставить «горько». Раскричались, как на свадьбе, дубль испортили.

Все притихли, посидели в тишине минут десять. Сидят, не закусывают, с отрыжкой от лимонада борются.

Режиссер опять объявляет:

— Пошел второй тост!

Опять паренек-активист встал и уже от общества трезвости речь двинул. Гости опять выпили лимонада. И опять посидели в тишине минут десять. Поприслушивались, как она там, газировка, внутри играет. Режиссер опять скомандовал:

— Дальше по сценарию — танцы под гармонь. Пошел гармонист!

Встает Тимоха, гармонист наш. Режиссер его подбадривает:

— Давай, давай, на стул садись, девкам подмигивай, мехи растягивай, чуб назад отбрасывай.

Тимоха оскалился на белый свет и хлесть! — по клавишам сверху вниз. А музыки-то нет! Какой-то «бзик» получился.

Тимоха встал, глаза в пол и говорит:

— Рано мне еще играть, пальцы не идут.

Режиссер руками замахал:

— Внимание, мотор! Пошел наш гармонист.

Из автобуса выскочил ихний подсадной гармонист и начал наяривать плясовую.

Режиссер в сценарий смотрит и командует:

— Пошла пляска! Кто у вас заводит неугомонная? Кто у вас Маруся розовощекая? Женщина лет сорока? Бесшабашная и разбитная?

Все тетку Матрену стали уговаривать, мол, иди пляши, ты у нас по всем параметрам подходишь.

Матрена вышла — вся как кол проглотила, платочком взмахнула и пошла по кругу дробь бить. Режиссер подбадривает:

— Частушки пошли, частушки! Про новую жизнь, про отличное настроение.

Матрена начала:

— Пошла плясать, запосвистывала, че-то брюхо заболело-запод...

Но тут Матрена поперхнулась. Газировка ей в нос ударила. Да еще в проводах ногами запуталась, и током ее дернуло. Ну тут у Матрены само вырвалось:

— Да пропади оно все пропадом! Да я с газировки-то сроду плясать не приучена. Меня с нее только за баньку сходить манит.

А режиссер даже глазом не моргнул, скомандовал:

— Внимание, мотор! Пошел ансамбль песни и пляски.

Из автобуса выскочило два ансамбля, один — песни, другой — пляски. Как начали они частушки сыпать направо-налево — гости наши совсем присмирели, не знают, что и делать.

А режиссер гостям говорит:

— Пока наши пляшут, вы подарки молодоженам дарите.

Гости уже поняли, что свадьба их мало коснется, поэтому начали подносить нам с Костиком в основном канцелярские принадлежности.

Режиссер их остановил:

— Такие подарки наш редактор на телевидении не пропустит. Внимание! Пошли наши подарки.

Грузчики из автобуса притащили ковры, хрусталь, цветной телевизор и холодильник. Мы с Костиком принимаем подарки — глазам не верим. Даже обомлели. Тут режиссер зубами — клац! — и кричит:

— Все! Отснято! Подарки — обратно в автобус.

Мы с Костиком обомлели в другую сторону. Но режиссер нас быстро в чувство привел. Он скомандовал:

— Товарищи гости. Да, да, настоящие гости. Попрошу всех в подсобку, освободите места за столом для съемочной группы.

Гости наши очистили помещение, а оба ансамбля за столом устроились. Паренек-активист опять тост произнес. Съемочная группа газировки выпила и закричала:

— Га-зы! Га-зы!

Ну, понятно, что это «горько» по-старому. Только целоваться с Костиком при посторонних я не могу. И Костик не может.

Тогда режиссер скомандовал:

— Пошли наши жених с невестой!

Из автобуса в столовую влетели наемные жених с невестой и горячо обнялись в дверном проеме. Сразу было видно, что долго их на роль молодоженов натащивали. Невеста жениха поцеловала так самоотверженно, что у него на загривке пиджак вздыбился. А съемочная группа открыла счет на продолжительность поцелуя: раз, два, три. На счет «пятьдесят два» из подсобки грянула песня! Это наши запели! Там в подсобке у них все под рукой. Раздольно звучала песня: «Широкой этой свадьбе было места мало...» В подсобке, действительно, места мало. Но пели здорово.

Я сказала Костику: «Пошли отсюда». И мы ушли в подсобку. Встретили нас там как родных — хлебом-солью, усадили нас на ящики с луком и поздравили. А потом все «горько!» закричали. На ящиках с луком мы с Костиком и поцеловались. Тимоха на фляге растянул гармонь и пошел чесать переборами. Тетка Матрена в пляс пошла на бочке с огурцами. Все заплясали и запели. Дед Самарин от радости в ларь с мукой упал — дождался-таки настоящей свадьбы.

В самый разгар веселья режиссер в подсобку заглянул и объявил:

— Все, товарищи, материал отснят, можете приступать к свадьбе.

И замолчал. А сам мнется чего-то. Тут из-за спины его паренек-активист выглянул и говорит:

— Сейчас бы самое время бы, это... выпить бы. Устали мы свадьбу за вас изображать.

Пока мы все с открытыми ртами стояли, танцоры ихние несколько ящиков из подсобки в зал унесли. Как все они там на ящики налетели — я такого дива сроду не видывала.

Опьянели моментально. Через десять минут их шофер сидел на стуле с круглой шаньгой в руках и как бы рулил по городу. Режиссер бегал, хватал всех за грудки, бил себя в грудь и орал: «Я гений!» А их наемный

жених начал путать свою невесту со мной. Костику это не понравилось. Он подошел к нему и сказал:

— Я не потерплю, чтобы на моей свадьбе посторонние женихи шлялись.

А тот Костику:

— Это ты шляешься. А у меня законная разрядка после напряженной работы по безалкогольному воспитанию телезрителей.

Вот тут Костик мой и не сдержался. Поэтому из нашего медового месяца пятнадцать суток — долой.

По телевизору нашу безалкогольную свадьбу уже показывали. После передачи письмами завалили меня телезрители. Все просят опытом поделиться.

Я делюсь. Опыт у меня накоплен богатый. А текст моих ответов паренек-активист составляет. У него работа такая — пропагандировать.

НАШ ФЕДЯ

Здравствуй, милая соперница Зина. Ты верно подметила, что мой муж Федя стал твоим мужем Федей. И ты называешь его «наш Федя». И возможно, ты права, что наш Федя — это наша забота. И хотя он сейчас больше твой, чем мой, я согласна, будем заботиться вместе.

Ты спрашиваешь, что у нас можно купить для Феде. Отвечу: а что у вас можно купить для Феде? Ты спрашиваешь, как я вообще живу без Феде. Отвечу: а как ты вообще живешь с Федей? Ты спрашиваешь, как мое здоровье без Феде. Спасибо, сейчас лучше.

Ты спрашиваешь, можно ли водить Федю в театр. И если можно, то куда: в театр или в зоопарк? Отвечу: а в чем его водить в театр? Ведь не ответив на этот вопрос, в театр Федю не поведешь в трико.

Конечно, в зоопарк Федю можно водить в чем угодно. Но когда его туда водить? У кого есть Федя, у того нет времени. Ведь ты же правильно спрашиваешь, много ли было у меня забот с Федей. Напиши, много ли их у тебя. И если много, то сколько?

Ты спрашиваешь, что говорил Федя про свое образование? Он говорил: свое образование забыть не позабудь.

Он свое образование не позабыл... забыть. Ведь оно ему ни разу не понадобилось. Ты спрашиваешь, тогда зачем ему диплом? Отвечу: он ему нужен. Диплом у него хороший, новенький. Он им почти не пользовался.

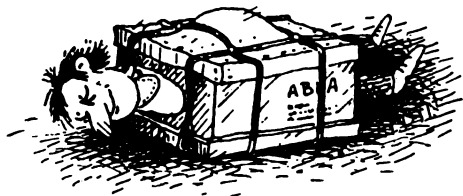
Ты спрашиваешь, почему Федя так много ест. Потому что он не работает.

Ты спрашиваешь, почему он не работает. Потому что работаешь ты. Он говорит, из двух человек должен же работать хотя бы один, в конце концов.

Ты спрашиваешь, почему Федя такой беспокойный. Значит, ему чего-то не хватает. Или чего-то перебрал. Или что-то беспокоит с утра. Федя вообще человек необыкновенный. Ведь обыкновенные — они трезвые.

Ты спрашиваешь, любит ли Федя ночевать дома. И если любит, то когда начнет. Отвечу: ночевать будет... после медового месяца.

Ты спрашиваешь, не могу ли я забрать Федю обратно. Отвечу: а не можешь ли ты оставить его у себя? Я так соскучилась, чтобы Феде не было дома.

Я рада, Зина, что тебе с Федей так необычно. Но уж если будет необычно до предела, то, я согласна, высылай Федю обратно. Лучше по почте. Авось где-нибудь затеряется.

В МОСКВУ! В СТОЛИЦУ!

— Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой законный, вернулся. Почему ты не рада? (Прислушивается к шагам на кухне.) Тамара, кто это чеканит шаг на кухне в моих тапочках?

— Это мой муж.

— Как тебе не стыдно при живом муже выходить замуж?

— Какой ты мне муж, если мы с тобой развелись?

— Мы же фиктивно развелись, Тамара. Чтобы я фиктивно женился и прописался у нее. Чтобы в Москве. И чтобы потом разменялся жилплощадью, развелся с ней, снова женился на тебе и прописал вас с дочерью. Чтобы в Москве, Тамара. А не в Томской области Красноярского края.

— Но ты же со мной развелся?

— Фиктивно — да.

— И на ней женился?

— Фиктивно — да.

— И у нее прописался в Москве?

— Фиктивно — да.

— И сын у вас родился?

— Фиктивно — да. То есть нет, он просто родился. Случайно. Но это ничего не значит. Ведь я уже с ней развелся. Теперь нам надо пожениться с тобой.

— А куда я дену мужа?

— Какого мужа?

— Который на кухне в твоих тапочках.

— Разведись с ним, Тамара. Он нам не муж. Он, подлец, воспользовался ситуацией, пока я пробивался в Москву.

— А куда я дену сына?

— У нас нет сына, Тамара, у нас дочь. А сын у меня в Москве. Появился. Случайно.

— Да, у нас с тобой дочь, а у нас с ним — сын.

— С кем с ним?

— Который на кухне.

— И у тебя сын появился?

— И у меня сын появился.

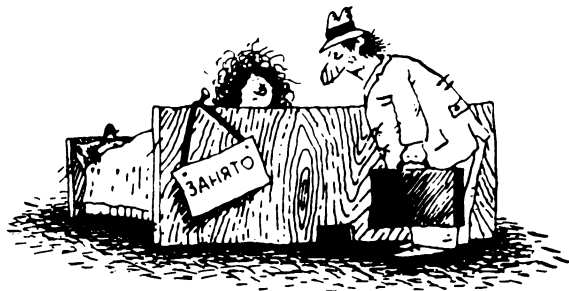
— И у меня сын. Появился. Случайно. Значит, у нас с тобой появилось по сыну. Во время фиктивного развода. Но теперь, Тамара, объясни ты этому на кухне, что развод у нас с тобой фиктивный. Мы состоим в браке. Фактически. А ваш брак с ним недействительный. Он фиктивный. У вас не имел права появляться сын. Это противозаконно.

— Ты сам этого хотел.

— Я хотел в Москву, а этого не хотел. Я жертва.

— Тебе придется платить алименты на дочь. Я уже подала заявление.

— Ты вторая, Тамара. Первой подала та, фиктивная. Значит, у меня всего будет два алимента. И еще мне негде жить.

— Но ты же хотел разменять ту квартиру.

— Та квартира тоже фиктивная, ее нельзя менять. Пропали денежки. Нас обманули, Тамара, это жулики, проходимцы. Мы больше не москвичи, Тамара.

— Это ты не москвич, а я москвичка. Мы уезжаем завтра с мужем домой, в столицу.

— С каким? Что на кухне?

— Да. У нас там квартира забронирована. Он присягал к нам в леспромхоз героически трудиться. О нем писали газеты. Оставил столицу и приехал в глушь. Вот так. И вообще, я советую лично вам идти в общежитие леспромхоза, пока комендант еще там. До свидания, товарищ.

(Уходит.)

— Так вот кто, оказывается, герой. Ее муж. Уехал из Москвы в тайгу. Ловко. Там выписался, тут пропи-сался, квартиру не забыл забронировать. В газете о нем писали. Я согласен, пусть он герой. А о нас, безымян-ных героях, кто напишет? В тайгу-то легче попасть, чем в столицу. Сколько нас в Москву рвалось не прорвалось. И сколько рвется не прорвется. О нас надо писать, об истинных героях. Об отчаянных и смелых, безумных и храбрых, о тех, кто рвется в Москву.

КРАСАВИЦА ЖБИ-89

Да чего же это, бабы, в стране делается? Мужик-то мой из конкурсов красоты не вылезит. Всех первых красавиц спознал. По именам знает. И даже в лицо!

Вчера опять явился с конкурса, но расстроенный. Говорит:

— Вот смотрю я, Даша, на этих первых красавиц и в толк не возьму: что эти члены жюри под красотой понимают? Сегодня опять такую худющую красавицу вы-

брали — хоть плачь. А ты у меня такая масштабная женщина, а зазря пропадаешь. Выступи на конкурсе. Выстави свою кандидатуру.

Я говорю, как это? Напоказ, что ли?

Он говорит, напоказ. Я, говорит, уж как-нибудь переживу, перетопчусь, а только от людей такую красоту скрывать — это не по-хозяйски.

Я сначала-то забоялась. Боязно выставять напоказ... всю свою кандидатуру. А потом думаю: а что? Да неужто в городе есть кто красивше да здоровше меня? И согласилась.

Смены рабочие свои высчитала. У нас на ЖБИ трехсменка. ЖБИ — это завод железобетонных изделий. Я прикинула по сменам — удачно. В день конкурса я как раз из ночной выйду. Думаю, вот и хорошо, отосплюсь после ночной, а днем — на конкурс. Красоты.

Два дня я себе платье шила. И три дня — купальник. Купальник получился — вообще! Пока шила да примеряла, Вася мой ко мне четыре раза приставал. Но брал себя в руки и говорил:

— Будем беречь силы на конкурс.

Я ему намекала, мол, у меня на все сил хватит. Но он говорил:

— Я не за тебя переживаю, я за себя боюсь.

Отгарабанила я ночную перед конкурсом, две нормы выдала и домой собралась. А мастер Петрович в бытовку забегает и кричит:

— Даша, спасай! План горит, бетон стынет. Степанида заболела, а там арматуры — на 10 тонн.

Я говорю:

— Ты что, Петрович. У меня конкурс красоты после обеда.

Он долго на меня смотрел и говорит:

— Даша, человек красив трудом. А если ты еще каким местом хочешь быть красивой, то иди красуйся. Только премии всему цеху не видать.

Пришлось остаться. Дала я за Степаниду еще две нормы до обеда и дунула на конкурс. Ну, ясное дело, переодеться некогда, так в спецовке туда и прибежала.

А дело на летней эстраде происходило. Там уже красавицы стоят, правда, пока еще в платьях. Народу — тьма. Пробылась я к эстраде, заскочила на нее и говорю членам жюри:

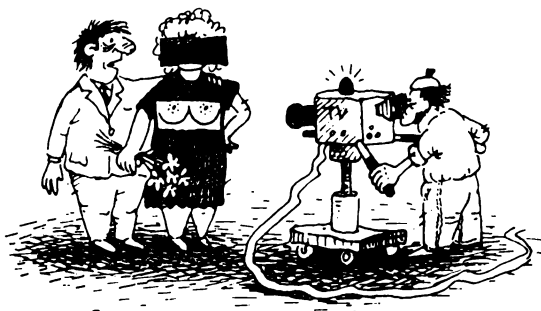
— Граждане судьи! Извините за опоздание, у нас в цеху Степанида заболела, я за нее нормы отработывала, вот переодеться и не успела. Но платье у меня есть. Я его отдельно от себя могу продемонстрировать.

Достала я им платье, показала.

Они, посовещавшись, допустили меня к конкурсу. Видать, платье понравилось.

Поглядела я на красоток, у них платья шикарные. А я думаю, в платьях-то из Парижа меня каждый полюбит. А вы меня в спецовке оцените!

Тут музыка заиграла, пошел первый тур — танцевальный конкурс. Выделили всем по партнеру. Ну, мне тоже один достался. Думаю, как же мне его обхватить, чтоб не травмировать. Только я к нему приспособилась, он как заорет. Оказывается, я ему на ногу сапогом наступила. Ну, дали партнера. Да мне шагающий экскаватор

раз на ногу наступил — и ничего, дальше пошел, захромал только. А этот орет, на одной ноге скачет.

Я рассердилась, говорю членам жюри:

— Вы кого красавицам в партнеры подсовываете? Да его поставь у нас на арматуру — он на первой минуте загнется. Партнер...

Хорошо, что в первом ряду наш бульдозерист сидел, Петро. Как пошли мы с Петром впрыскаду на сцене, так публика и зааплодировала. Мы под свою музыку плясали, под тра-ля-ля.

Петька частушки пел:

— Тына, тына, у Мартына голова из ежика.

А у меня такая легкость в теле. Двух красавиц с эстрады случайно смахнула, не заметила. Легкость у меня всегда возникает, если три смены подряд работаю.

Во втором туре надо было походку показать. Пройтись по сцене с партнером. Конкурентки мои прошлись — у-тю-тю-тю. Походка — от бедра. Не скажу, походка есть. Правда, бедра нету.

А мой партнер не подходит ко мне, боится. Там «скорая» приехала, на ногу гипс ему наложили. Тогда я одна пошла по сцене. И тоже — от бедра. Слышу, в жюри один шепчет:

— Походки нет.

А второй говорит:

— Зато бедро есть!

В третьем туре мужичок из жюри встал и объявил:

— А теперь, уважаемые красавицы, продемонстрируйте нам, пожалуйста, простую комбинацию в стиле аэробика. Комбинацию демонстрируйте в купальниках.

Зашла я в свою кабинку для переодевания и думаю: «Где же мне... простую комбинацию взять? Ведь у меня только шелковая. Их, простых-то, хлопчатобумажных, и в магазине нет. Потом думаю, да зачем это я буду простую комбинацию демонстрировать, когда у меня шелковая с такими красивыми кружевами.»

И вышла в шелковой. А под комбинацией — купальник. Публика такую овацию устроила. Чувствую, красивше меня никого не будет. Конкурентки мои вообще без комбинаций вышли, в одних купальниках. Я тоже свою сняла, да как торсом повела, как плечиком подвигала, так — все! Чувствую, они мне больше не конкурентки.

Вышли мы в финале на сцену для оглашения меня первой красавицей. Председатель жюри встал и объявил:

— Первой красавицей объявляется Марина Суслопарова.

Я ему подсказываю:

— Да не Марина я Суслопарова, а Даша я Рукосуева.

Он как не слышит. Я думаю, да что это они? Шутки со мной шутить. Взяла я этого председателя за грудки. А ну, говорю, объявляй как следует.

Он потрепыхался и объявил меня первой красавицей.

Вася мой выбежал на сцену, обнял меня и сказал:

— Я знал, что ты у меня красивше всех, но что настолько — не знал.

И нес он меня на руках три остановки до самого дома. С перекурами. И привалами.

ХОТЬ РАЗОРВИСЬ!

Завидую я мужчинам. Ну что ему? Все просто.

Я с прической полчаса вожусь у зеркала, а он пыль тряпочкой стер с лысины и — на работу. Как домой приходит, так кричит с порога:

— Жрать!

Я говорю:

— А интеллигентней нельзя?

Он говорит:

— Можно. Дорогая, во мне каждая клеточка поет — жра-а-ть!

После еды говорит:

— Дай пепельницу!

А в это время дочь кричит — где сапог, а сын — где валенок. Хоть разорвись! И вот несу я им: в одной руке сапог, в другой валенок, а на голове — пепельница.

Он говорит:

— Плохо, что ты раздвояться не умеешь. Так неудобно — ждать приходится.

И вот однажды утром чувствую я: что-то со мной не то. С одной стороны, вроде бы я еще лежу, досыпаю, а с другой — вроде бы уже пошла на кухню. На следующий день те же ощущения: первая Я делаю уборку в квартире, а вторая Я лежу читаю журнал.

Приходит муж с работы, с запашком, не без этого, а мы обе ему открываем. Он смотрит на нас и говорит:

— Маша, тебя — двое.

Головой помотал, рукой помахал у глаз и сказал:

— А ну вас.

И — на диван.

Ну, а я себе другой отдельную комнату выделила. В самом деле, не выбрасывать же себя на улицу. Постелила себе там на диване, читаю, музыку слушаю. А Я первая на свое место легла. И заснула как убитая.

Утром он проснулся и осторожно так спрашивает:

— А где ты другая?

Я отвечаю ему:

— Она в парикмахерскую пошла.

Он вскочил, умылся, оделся, позавтракал, и тут приходит Я другая. С прической, все как положено. Проходит на кухню и начинает не спеша пить кофе и газету читать. А Я первая — на работу.

Вечером он приходит как стеклышко и спрашивает настороженно:

— А где ты другая?

Я в халате на кухне управляюсь и отвечаю:

— Она в ванной моется и маску на лицо накладывает.

Он притих со мной на кухне. А Я другая привела себя в порядок и ушла из дома.

Он меня спрашивает:

— Маша, а куда это ты пошла?

Я говорю:

— Сейчас в ванную пойду, стирать.

— Нет, не ты, а ты другая.

— А другая Я пошла в театр.

Вечером он опять интересуется:

— Маша, а вот ты за себя другую что-нибудь чувствуешь?

— Конечно, чувствую. Это же я, только другая.

— Как — чувствуешь?! И чего ты там сейчас делаешь?

— Стою в курительной комнате и обсуждаю первое действие.

— Но ты же не куришь!

— Я не курю, а Я другая — курит.

— И с кем вы там обсуждаете?

— А с каким-то брюнетом. Мы еще не познакомились.

— Маша, только ты не делай глупости.

— Ну, какие глупости, я же с тобой рядом, вот она.

Он дождался, когда Я другая пришла из театра и уснул.

Утром вскакивает и опять спрашивает:

— Маша, а где ты другая?

Я говорю:

— Она к массажисту пошла.

— Зачем?

— На массаж.

— И что он тебе массирует?

— Мышцы. Чтоб моложе выглядеть. На ощупь.

Он помолчал и говорит:

— Маша, но ведь ты же там, наверное, совершенно раздетая.

— Конечно, а как же.

Он засуетился:

— Как же ты посмела перед посторонним мужчиной...

Я говорю:

— Успокойся, массажист — женщина.

Вот так пару дней он жил в жуткой тревоге. А я — наоборот. Совмещаю приятное с полезным. Я лежу, и я стираю. И что характерно — по хозяйству шурую так здорово, ну все успеваю.

И вот сегодня вечером тот брюнет из театра пригласил меня в ресторан. Я первая — на кухню, а Я другая — в ресторан с брюнетом.

Муж приходит и опять:

— А где ты другая?

Я отвечаю:

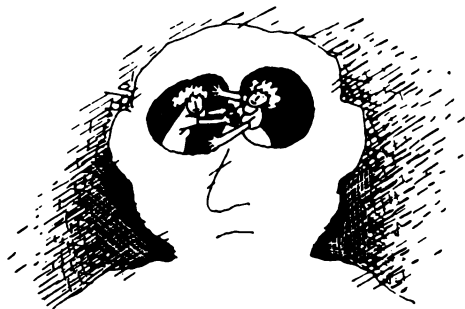
— Сегодня она пошла в ресторан.

— Но ты же не пьешь, Маша!

— Я не пью. А Я другая — пьет. И вообще.

— Что — вообще? Неужели она еще и... танцует?

— Да весь вечер танцует. А сейчас они к нему домой собираются.

— Маша! Не делай этого. Не надо к нему.— Тут он побледнел и закричал:— Все! Все! Собирайся, едем к нему вместе.

Приехали мы к этому brunetu, на квартиру. Муж схватил меня первую и меня другую за руки, встал на колени и сказал:

— Маши! Я люблю тебя обеих! Хозяйство — пополам.

И Я другая исчезла.

Потом тот brunet звонил несколько раз, но я отвечала ему:

— Меня нет дома.

МАЛЫШОК

Как быстро растут дети! Еще вчера этому малютке был месяц, а сегодня ему месяц и один день. А что будет завтра?

Малыш в первый раз вдохнул воздух Земли. Медсестра подносит ему по инструкции кислород, подлинный кислород. Но ребенок отталкивает маску ручонкой, ему не надо подлинного кислорода, он хочет обычный воздух. Малыш уже свободолюбив. У него даже есть свое мнение, оно называется «рефлекс». Ребенок крутит головой — это поисковый рефлекс. Он — надолго. Ведь место в жизни придется искать всю жизнь. А вот малыш уже причмокивает. Сосательный рефлекс ему понадобится до первой общепитовской котлеты. Дальше он будет пользоваться им по обстоятельствам.

Малышок поел и спит. Надо смотреть за ним, а то его обидит муха. Потом он проснулся и ест, потом поел и спит, проснулся и сказал:

— Я скоро женюсь, мама.

— Спи, спи. Ты еще маленький, тебе приснилось.

И он снова засыпает.

Он уже реагирует на бутылочку с молочком. Начинает беспорядочно дергать ручками и ножками, прерывисто дышать. Но стоит ему только поймать соску — тут же замирает, ручки и ножки остаются в неестественном положении, а потом медленно опускаются. В бутылочку идут пузыри, а в ползунки — предыдущая бутылочка. Блуждающие глазки медленно прикрываются веками, и он засыпает. Потом просыпается и ест, надеется и спит, просыпается и говорит:

— Я развожусь, мама.

— Спи, спи, ты еще маленький, это приснилось.

Папа смотрит на него, вытянув шею, и шепчет:

— Ты посмотри, он весь в меня. На головке — залысинки, шеи нет, ножки коротенькие и кривенькие. Какая удачная копия!

— И кричит, как ты, когда тебе чего-то не хватает, — добавляет мама.

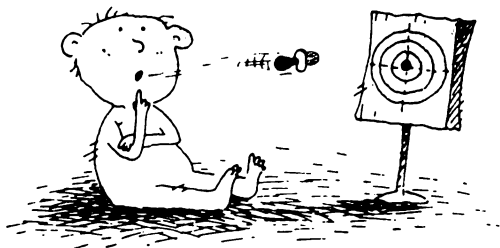
Папа думает: неужели малышу так же плохо, когда чего-то не хватает?

— Он уже все понимает, — продолжает папа.

— Совсем как ты, — говорит мама.

Но папа великодушно прощает маме все шутки. За сына он простил ей и самые тяжкие грехи: она сейчас официально не моет пол и посуду.

Мама уходит, а папа, как мадонна, смотрит на своего младенца. Папа мечтает, улыбается и хмурится. Он ду-

мает, что самое ответственное его творение — сын. Хотя и старшая дочь — творение не шуточное. Дочь — украшение, а сын — надежда. Без того и другого не проживешь.

Ребенок еще совсем мал, но уже работает по графику, как на заводе. Кормление и сон — строго по часам.

Малышок спит, но может проснуться и закричать. У него может заболеть животик. А у папы болит сердце. Оно болит за сына, за других, пусть посторонних, детишек и даже за взрослых, но не за всех. А у малыша не может еще болеть сердце за других, но может болеть животик за себя.

Сынишка в самом деле проснулся и закричал. Ему что то не нравится, и он публично и откровенно высказывается. Если бы взрослые так же умели, то дети не знали бы, что такое молоко, которое не умеет давать сметану. Единственный недостаток в громком крике малыша — неопределенность. Неизвестно, чем конкретно он недоволен. Папе приходится применять метод проб и ошибок. Он перепеленал сына, накормил, напоил, дал соску. Потом покачал, поговорил, спел, сплясал, сыграл на баяне, сам покричал и поплакал, но ничего не помогало. Лишь когда отец замолчал и сел устало на стул, малыш уснул.

Он спал и ел, а потом пошел в садик. А потом — в школу, в институт, на работу и снова — в садик. Потому что повел туда своего сына. И этот, маленький, он тоже пройдет по всему кругу и обязательно расскажет эту историю. Но уже по-другому.

КАК ЖИТЬ, СКАЖИТЕ?!

Вот я и в детском садике. Правда, зачислили меня лишь в среднюю группу, хотя могли бы и в старшую. Это недоработка отца. Ведь мог же он как-то договориться с заведующей, что-то пообещать, в конце концов подключить моего дядю — его брата. Так нет, говорит, куда взяли — туда взяли. Теперь мне приходится играть с мелкотней. Они меня на пять месяцев младше. Разве поговоришь с кем-нибудь из них по душам, о главном, что тревожит ум и сердце. У меня-то проблем больше, чем у взрослых. Им что? Катятся себе по накатанной тропинке к пенсии. А мне до пенсии как до луны. Вот и думаешь: как жить дальше?

Вчера принес отцу записку от воспитательницы Наташи (за глаза мы ее Натали зовем.) В записке написано: «Уважаемый Егор Гордеевич! Убедительно просим достать для освежающего ремонта сада 100 кг краски».

Я это свободно прочитал, хотя мне пять лет. Читаю я с трех, хотя пишу с двух.

Отец на обратной стороне записки написал: «Уважаемая Наталья Петровна! Приношу глубокие извинения, но без фондов выделить не могу». Скажите, как мне с такой бумагой в сад идти? Позор на мою лохматую голову! Весь сад смеяться будет, включая нянечек. А пуще всех, конечно, Ленка из нашей группы. Ее отец такую мебель для сада достал! Сплошь импорт. Я свой стульчик молотком ломал — не изломал. Потом в углу стоял. За сломанный молоток. Ну какой же я соискатель на дамское сердце буду после такого позора с отцом?

А Ленка эта, ох, сложная натура, хотя и не поэтическая. Просто сложная. Играет во все наши мужские игры. То ей легковой автомобиль подавай, то милиционером представится и задерживает всех мальчиков за хулиганство, то говорит, что, мол, директор она и кричит: «Всех уволю!» В дом начнем с ней играть, она меня

к плите ставит, а сама на работу уходит. Приходит с работы навеселе и гонит меня в магазин. Получку приносит хорошую, но отдает не все. А когда к нам гости в дом приходят и мы начинаем играть в застолье, тут она вообще на высоте. Когда все гости под стол свалятся, Ленка крикнет, песню споет и только потом спать ложится. Нравится она мне такая. Что-то дьявольски привлекательное в ней есть.

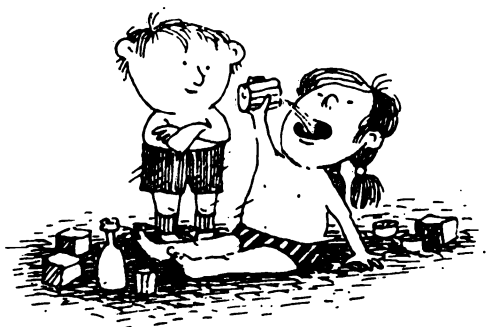
Однако с таким отцом, как у меня, она вряд ли остановит свой выбор на мне. Я ведь себя ребенком второго сорта чувствую: Отец все может достать, все может написать, но — ни в какую. Только по фондам.

И вот решил я с ним беседу провести. Повоспитывать слегка. Пригласил отца к себе в детскую и говорю:

— Какой же от тебя толк, если все от фондов зависит? Я не знаю, кто такие фонды, но я знаю, что ты и без них все можешь. А не хочешь.

— Фонды — это не люди, а лимиты государственные, — серьезно отвечает отец.

— А если не люди, то зачем на них внимание обращать? Ты посмотри, батя, вокруг. Взять хотя бы нашу среднюю группу. Светка вообще недоросль, ее место за пределами нашего садика, однако она в средней группе.

Уважаемый человек. Ее Натали боится. Почему? Потому что она на «Волге» с отцом в садик приезжает. А Зинку даже воспитатели из других групп любят и лелеют. Потому что мама ее — магазинная фея. Что хочешь достанет. У Вероники старший брат на мясокомбинате кого-то забивает. Гений! Через проходную не только язык говаяжий, а всю корову под уздцы может вывести.

Отец отвечает:

— Понимаешь, Данилка (чувствуете, имя? Не Льюис, не Гарри, а Данилка), ты же самостоятельный человек. Тебе пять лет, а значит, ты должен знать, что человека в обществе ценят не за заслуги отца, а за его собственные. Развивай в себе ум, доброту, честность, и будешь уважаемым человеком в своей средней группе, а может быть, и во всем садике.

— Да что ты, батя? Пока я с умом да честностью буду носиться, те же Зинка, Светка и Вероника карьеру сделают, спецшколы позаканчивают и устроятся в магазины да столовые. А я бумажки буду в конторе перебирать. Нет, отец, не тому ты меня учишь.

Отец посмотрел внимательно, снял ремень и аккуратно меня высек. Я бы сказал — чисто символически. Но я все-таки сильно возмутился.

— А еще доброте меня учишь!

— Вот я и учу тебя доброте.

— А сегодня День защиты детей!

— Вот я и защищаю тебя от накованных мыслей.

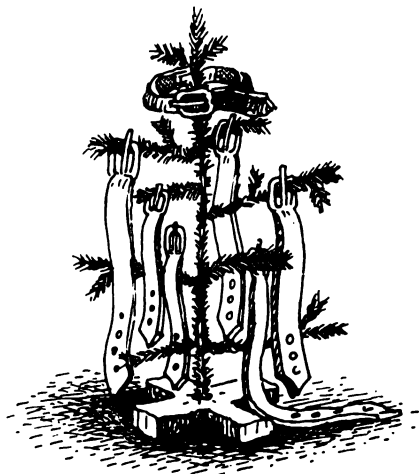
Когда отец закончил, я надел штаны и пожал ему руку. Крепко, по-мужски.

— Спасибо, батя, я все понял. Все-таки не зря я с тобой провел беседу.

ЕЛКА ДЛЯ ТОЛИКА

Толик, отойди от елки. Мы ее не для себя ставим. А для тебя. Зачем ты взял игрушку? Ты ее разобьешь, и я тебя накажу. Ну вот. Разбил. Иди в угол. Стой там и не оглядывайся. Новый год — это радость. А ты ее испортил. Почему ты вышел из угла? Зачем ты оборвал иголку с елки? Что две? Еще две иголки осталось? Так что это будет за елка с двумя иголками? Ведь на ней было три. Мама, принеси ремень, я буду спасать елку от Толика. Вот так. Толик, встань в угол и смотри на ремень, вернее, на елку. Ты видишь, какая она красавица? Не видишь? А что ты видишь? Правильно. Ремень надо не только видеть, но и понимать. Вот так. Ну, ладно, выйди из угла, только не подходи к елке. Она еще не готова. А будет готова — вообще не подходи. Тебя дернет током. Мы все сгорим. Толик, выйди вообще из комнаты. Будешь смотреть на елку из коридора. Там безопасней. Теперь скажи, что такое Новый год? Правильно, праздник. А праздник — это всегда что? Ну? Нет, не ремень. Праздник — это радость, веселье. Радуйся, веселись. Где? В коридоре. В комнате нельзя, там елка. Посмотри мне в глаза. Вот так. Скажи честно, ты веселый? Только честно. Нет? Сейчас тебя развеселят. Сегодня к нам придет Дед Мороз Красный Нос и Снегурочка. Только ты их не бойся. Они хорошие, с моей работы, у них профсоюзное поручение. Они ходят по квартирам. Что ты сказал, Толик? Ходят по квартирам и уносят подарки? Уносят вещи? Нет. Они приносят вещи, приносят подарки. Тебе принесут апельсины и игрушку. Какую? Мать, какую игрушку принесет Дед Мороз? Вот. Принесет пистолетик за 3 рубля 15 копеек. Значит, Толик, мы договорились, ты в комнату не заходишь, там елка. И не три глаза. Спать еще рано. Всего одиннадцать. Дед Мороз все равно придет. Хоть в час ночи. Он обещал, он обязан прийти. У него поручение. Вот кстати, и он. Слы-

шишь, скребется за дверь? Толик, не бойся. Это Дед Мороз. Ему очень трудно идти, он старенький. Да. Поэтому Снегурочка ему помогает. Дед Мороз, пожалуйста на кухню, за стол. Толик, не мешай. Тебе пора спать. А, пистолетик. На́ пистолетик, иди спать. Вот так. Ложись, спи. К елке не подходи. В этой комнате можно только спать. Все, спи. Стихотворение? Расскажи про себя и спи. Все. Видишь, и Снегурочка уснула. Спи. А мы с Дедом Морозом посидим на кухне... С Новым годом, Дед Мороз! Как это не можешь? Ничего не знаю, пей до дна. На то ты и Дед Мороз, Геннадий... Что там грохнулось в комнате? Толик, зачем ты уронил наряженную елку? Не хочешь Нового года? Это безобразие. Его надо хотеть. Он самый веселый праздник. Ты не любишь праздник? А Деда Мороза? Ну, покажи, как ты любишь Деда Мороза... Ай, Толик!.. Дед Мороз, Геннадий, ты жив?.. Толик, отдай посох, ты можешь им задеть Деда Мороза еще раз. Куда ты, Толик? В садик еще рано, еще ночь. Мать, иди лови Толика!

ЧУДО ПРИРОДЫ

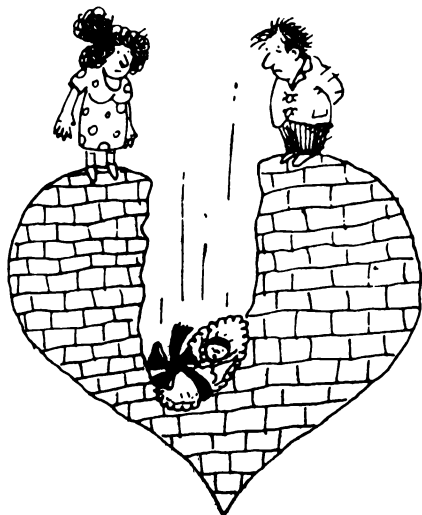
Хочу поднять тяжелый вопрос: о состоянии материнства и младенчества. Сейчас количество младенчества растет. Это приятно. Но число материнства падает. Это непонятно. Ведь материнства и младенчества должно быть поровну. Младенец сам родиться не может. У него автоматически должна быть мать. И она есть. Она присутствует тут же, на родах. Пока ребенок рождается — мать у него есть. Но как только он родился, мать его исчезает. В неизвестном направлении.

Перед исчезновением акушерка объясняет:

— Исчезать нельзя. Ребенку нужна мать.

А роженица отвечает:

— Но я не могу быть его матерью. Кто хочет, пусть будет. Я не могу, мне некогда, меня уже ждут.

И уходит. Исчезает насовсем. Вот и получается: уровень младенчества удалось поднять, но уровень материнства начал падать. Отрывается материнство от младенчества и живет без определенных занятий. Вот такое материнство встречается.

Подъезжает к роддому очередная очаровательная пара. Она — в положении, он — в татуировке. Слазят с мотоцикла и идут в приемный покой. Его не пускают. Он говорит ей:

— Иди рожай, а я тут подожду, покурю. Да не задерживайся, а то магазины закроют.

Пусть не сегодня, так через несколько дней она выйдет. И увезет он ее в даль светлую на мотоцикле. Ничем не обремененную. А маленький человечек останется в роддоме один на один с жизнью. И не будет у него высшей инстанции добра — матери.

Материнство и младенчество! Как хочется, чтобы каждый малыш мог сказать хотя бы «мама», если «папа» сказать некому. Чтобы комнаты матери и ребенка не превращались в комнаты бабушки и ребенка. Чтобы мог малыш уткнуться не в белый халат медсестры, а в теплую кофту матери и забыть про все обиды. Чтобы бежал он по лужам в новом костюмчике и знал, что мать его пожурит, но в душе будет гордиться таким разбойником. Он это чувствует, поэтому и бежит так весело. Без матери он в лужу не пойдет, он обойдет ее.

Материнство и младенчество! Как хочется, чтобы их было поровну.

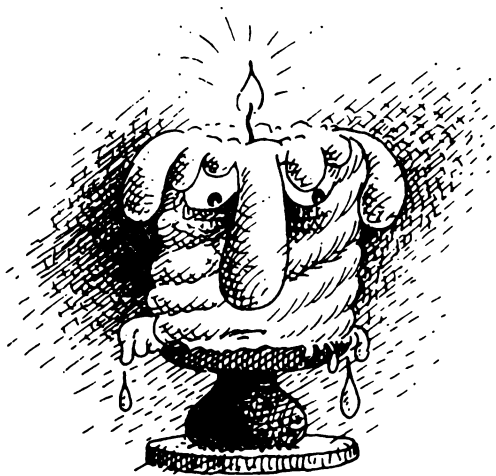
ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ты помнишь, как после нашей маленькой ссоры погас свет? Во всем микрорайоне. Там на линии троллейбус взял на себя все электричество, сорвался с проводов и укатился по инерции в дачный поселок. Вот такой свободолобивый троллейбус попался. И с людьми такое бывает. Мне так потом объяснили по телефону из гор-света. Света из горсвета.

А я как раз ложку с супом ко рту подносил. А он — бац! И погас. Я задумался: или дальше ложку нести, или обратно в тарелку выливать? Решил, что вообще-то для меня это мелочи. Ну, подумаешь, или мимо рта пронесу, или вылью мимо тарелки. А остальным-то каково? Сколько людей в лифтах ехали по всему микрорайону. Незнакомые люди ехали, глаза друг от друга отводили, не знали, чем себя занять до 16-го этажа. И тут — бац — кабина остановилась между этажами, свет погас. Что делать? Хочешь не хочешь, а придется знакомиться. И телевизоры у всех отключились на самом интересном месте. Как раз говорили, что надо перестраиваться, а как — неизвестно, телевизоры отключились. В холодильниках куры начали подтаивать — лить воду на колбасу. Люди в своих квартирах в жмурки играют — ищут спички, свечи или керосин. А если нет керосина? Не будешь же лучины из финской мебели делать?

И тут ты закричала из ванной. Стиральная машина перестала крутить головы моим рубашкам. И хотя мы в ссоре, а на помощь ты меня позвала. А ссора вышла по пустяку. Ну, налил я себе суп в хорошую тарелку для гостей. Что делать, если они у нас обе хорошие? Ну, поцепляли друг друга словами. Ну, ты и разозлилась слегка. И пошла со злости стирать в ванную. Ты всегда со злости или стираешь, или посуду моешь. Как бы в укор мне. Демонстрируешь, как ты по хозяйству загружена.

Нашел я четыре обгоревшие свечки — остались от дня рождения внука. Четыре года — четыре свечки. Мы не позволили тогда ему их съесть вместе с тортом. Зажег я одну свечку и вывел тебя из ванной на кухню. Сели. Между нами одна свечка горит, три другие рядом с блюдцем лежат. Я чай сделал с лимоном. Сидим пьем, молчим. И такой уют от этой свечки. Тишина во всем доме. Телевизоры не работают, холодильники молчат, стирать не надо, только ты, я и свечка. И такие у тебя глаза глубокие в этих сумерках. Только свечка на дне светится, маленький огонек дрожит. И тут у меня у самого сердца давно забытая фраза шевельнулась и прямо к губам просится. Подумать только, больше тридцати лет прожили, детей воспитали, внуков растим, а вот так при свечке посидеть времени не было. Заботы, суета. И такая нежность возникла к тебе, что у меня сами губы должны были сказать эти главные три слова. Тем более

повод есть — свет погас. И тут я с ужасом почувствовал, что я не помню этих слов. Смотрю на тебя, а в голове совсем другие слова крутятся, как на конвейере. Я их гоню, а они там так глубоко засели, что ничего не получается. И губы мои сами спросили:

— Как у вас на работе?

Ты так улыбнулась, что я готов был провалиться.

А потом потрепала меня по голове и сказала:

— И за что я тебя люблю, такого бегемотика?

И тут дали свет. Заурчали холодильники, заверещали телевизоры, затараторило радио, зашуршали газеты, закрутилась наша стиральная машина. Ты вскочила и убежала в ванную.

А я остался на кухне один, как дурак, при бледной свечке. Поехали трамваи, лифты привезли на этажи перезнакомившихся соседей. Свободолюбивый троллейбус взнуздали и вернули его на маршрут, прицепили рожки к проводам, и он покорно побежал в стойло.

А я сидел такой растерянный и думал. Я прожил честно все годы. Я ни разу не вздрогнул оттого, что мои слова совпали с моими мыслями. Они всегда совпадали. Может быть, поэтому у нас только две красивые тарелки для гостей. Я отдавал работе все силы! Все! Без остатка. У меня даже не было времени, чтобы подарить тебе хотя бы один такой вечер при свечах.

И тогда я поднялся, вышел в коридор и выкрутил наши пробки. Свет в квартире погас.

Но стало светлее.

От свечки.

РЕКА ЖИЗНИ

Течет река нашей жизни. Вливаются в нее реки и ручейки и просто капли. Неровным было ее течение. И нелегким будет. Но течет река нашей жизни. Где-то бурлит, где-то замедляется, где-то ускоряется, где-то перестраивает свое русло. И встречаются на ее пути пороги и пороки, перекаты и перегибы. Но течет река нашей жизни.

И нужна нам в ней чистая вода. Ведь все мы пьем из этой реки и дышим воздухом ее туманов.

Так давайте сделаем так, чтоб из труб заводов валил не дым, а озон концентрированный. И чтоб звучала над рекой песня. И чтоб вещи и мысли — отечественные. Чтоб была вещь — ее величество! А не ее количество.

И чтоб за счастливый пельмень считался один пельмень с тестом, а не один пельмень с мясом.

И чтоб к врачу мы шли не за больничным листом, а вылечиться. Бесплатно. И безблатно!

Чтоб гору Высокую не пришлось переименовывать в яму Глубокую. А гору Поклонную в площадь Квадратную.

Чтоб в цветочных магазинах не говорили: эти ландыши дышат на ладан. А с радостью брали свежие цветы и дарили любимым. У реки. И гуляли по берегу не в атмосфере заботы и внимания, а в обычной атмосфере.

Так вернемся к нашим истокам и первоисточникам. Зачерпнем в ладонь чистой воды и выпьем глоток в тишине. А последнюю каплю оставим на ладони и скажем: это моя капля. И пустим ее в реку. И пусть проплывет она от начала и до конца кристально чистой. И если рядом с ней будут такие же капли, то и вся река нашей жизни будет чистой.

СОДЕРЖАНИЕ

Взятки гладки

Высокий гость	4
Взятки гладки	7
Нюхач	10
Босиком	13
Частник	16
Папаша Паша	18
Прямой эфир	20
К любовнице!	23
Химия или жизнь	26
Речь перед конкурсом	31
Не откладывайте на завтра	33
К сатирикам	35
Гласность Ивановна	37
Экскаватор	41
Травма	43
Сдвиги	46

До чего же мы разные

Новый дом	50
Эстафета для букета	52
Тамада	55
Рекс и его друг — я	58
Встреча с Шопеном	59
В разгар сезона	62
Клещ — не лещ	65
Плодово-ягодный роман	67

До чего же мы разные 70
Пусть... 72
Книголюб 73

Хоть разорвись!

Мяу! 78
После свадьбы 82
Как погода? 84
Безразмерные женщины 86
Дружная семья 88
Свадьба с режиссером 92
Наш Федя 98
В Москву! В столицу! 100
Красавица ЖБИ-89 102
Хоть разорвись! 106
Малышок 110
Как жить, скажите?! 113
Елка для Толика 116
Чудо природы 118
Просветление 120

Река жизни 123

Холобок В. И.

Х 71 Босиком: Юмористические рассказы, монологи, сценки, миниатюры.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990.— 128 с., ил.

ISBN 5—7529—0289—4

35 к. 50 000 экз.

Новая книга молодого свердловского юмориста

Х 4702010201-032 31-90
М 158(03)-90

ББК 84Р7

Владимир Иосифович Холобок
БОСИКОМ

Редактор М. П. Немченко
Художник С. С. Айнутдинов
Художественный редактор Н. В. Данилов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры И. А. Тарская, Н. И. Тунгусова
ИБ № 1945

Сдано в набор 21.09.89. Подписано в печать 05.03.90. НС 12027.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая с фотополимеров. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 5,7. Уч.-изд. л. 4,63. Тираж 50 000. Заказ № 515. Цена 35 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Свердловск. Средне-Уральское

книжное издательство, 1989

